

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ
АРГЕНТИНА
КЕЙДЖ

Андрей Валентинов
Аргентина. Кейдж
Серия «Аргентина», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33167641

Аргентина: роман-эпопея: Кн. 3. Кейдж / Андрей Валентинов: Фолио;

Харьков; 2017

ISBN 978-966-03-7903-9

Аннотация

...Европа, 1936 год. «Над всей Испанией безоблачное небо», иностранные войска вступают на испанскую землю, эхо близкой войны докатывается даже до маленького французского города Авалан. Вот-вот развернется небо...

Американский журналист Крис Грант по прозвищу Кейдж ищет тему для репортажа на земле Грааля и, сам того не ожидая, переступает границу, за которой – нелегкий выбор. Гауптштурмфюрер СС Харальд Пейпер свой выбор давно уже сделал и теперь по заданию Гиммлера становится подпольщиком. Пылает Рейхсканцелярия, фиолетовым огнем горит планета Аргентина, негромко звучит прощальное танго...

Содержание

Испанская fuga	5
Глава 1	9
Глава 2	61
Глава 3	113
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Андрей Валентинов

Аргентина. Кейдж

© А. Валентинов, 2017

* * *

Испанская fuga

Подражание Паулю Целану

Серый пепел заката – мы дышим им вечером,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им ночью,
мы дышим им, дышим,
мы сыплем его в могилы, лежать в нем покойно,
червь находит счастье в земле,
свободен путь для штурмовых колонн,
над всей Испанией – безоблачное небо.

Бомбы слепы и глухи, они падают на Мадрид в полночь,
красная планета Аргентина, небо разверзлось,
мы кричим беззвучно, прощайте, камни соборов,
небо разверзлось, они летят навстречу земле,
бомбы – всегда панацея,
радость, дивной искрой Божьей ты слетаешь с небес.

Свободен путь для штурмовых колонн,
четыре идут на город, пятая ждет,
червь в земле находит счастье,
прости нас всех, Мадрид,
пленные копают могилы,
серый пепел заката, в нем лежать покойно,
ставят к стене, приказ отдают:
в круг сольемся братский, тесный,

этот круг – весь Божий свет,
прощайте, камни соборов,
Европе нет дела, она шьет саван.

Серый пепел заката – мы дышим им ночью,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им вечером,
мы дышим им, дышим,
над всей Испанией – безоблачное небо.

Свободен путь для штурмовых колонн,
бомбы слепы и глухи,
они падают в полночь, небо разверзлось,
прощание с Каталонией,
алонз анфан де ля патри,
мы кричим беззвучно, прощайте, камни соборов,
красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа,
мы сыплем пепел в могилы, лежать в нем покойно,
червь находит счастье в земле.

Четыре колонны идут на город.
мертвые танцуют танго, красная планета Аргентина,
глубже втыкайте лопаты,
червь находит счастье в земле,
в круг сольемся братский, тесный,
этот круг – весь Божий свет.

Серый пепел заката – мы дышим им ночью,
мы дышим им утром и днем, мы дышим им ночью,

мы дышим им, дышим,
бомбы слепы и глухи, красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа,
бомбы падают в полночь, безоблачное небо,
прости нас всех, Мадрид.

Франция – серые пуалю, серый пепел,
алонз анфан де ля патри,
алонз анфан,
могила усыпана пеплом, мягко там и покойно,
червь находит счастье в земле.

Серый пепел заката – мы дышим им ночью,
мы дышим им днем, повсюду наши флаги,
Каталония и Наварра,
алонз анфан,
мы дышим им вечером, утром,
мы дышим им, дышим,
червь в земле находит счастье,
четыре колонны идут на город, прощайте,
встретят свинцовую пулей, ее не оспоришь,
червь находит счастье в земле,
алонз анфан,
бомбы слепы и глухи, красная планета Аргентина,
над всей Испанией – безоблачное небо,
могила усыпана пеплом, бомбы падают в полночь,
и мы видим во сне, что повсюду флаги,
и что свободен путь для штурмовых колонн,
четыре идут на город, пятая ждет,

безоблачное небо.

Красная планета Аргентина,
твой грязный саван, Европа!¹

¹ Время действия книги – осень 1936 года. «Аргентина» – произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с нам привычной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер.

Глава 1

Ночь и туман

Сын колдуна. – Грузовой причал. – Кажун. – Паранойя. – Бродяга. – Та-та-та! Ту-ту-ту! – Выстрел в висок. – Руди. – «Чума на оба ваши дома! Я пропал». – Утреннее небо.

1

Ночь – что стекло в белесой дымке фар. Цвета исчезли под холодным светом, и мухой в прибалтийском янтаре авто в ночи завязло. На пределе ревел мотор, и черные деревья летели вдаль, но двигалась дорога, не «мерседес»². Стекло-негатив, навечно утопив в своих глубинах, не отпускал, размазывая в плоскость машину и людей. И верх, и низ исчезли. «Тогу богу»³, как сказано в Писании. Аминь! Под веками все то же, лишь огонь меняет цвет и подступает ближе.

Спасенья нет, пусть не твоя вина, что ты родился сыном колдуна.

² Все упоминаемые в тексте автомобили, мотоциклы, самолеты, фотоаппараты, бытовые приборы и образцы оружия не более чем авторский вымысел.

³ Правильнее «Тоху боху» или «Тоху ва боху», но автор использует привычный «старый» вариант.

Гауптштурмфюрер СС⁴ Харальд Пейпер мельком позавидовал сидевшему за рулем Хуппенкотену. Для сына юриста ночь – всего лишь ночь, огонь – электричество, их позднее путешествие – обычное служебное задание.

– Скучновато, – чуткий Хуппенкотен отреагировал на взгляд. – Радио, что ли, включить?

Протянув руку, щелкнул пластиковым переключателем, повернул, ловя волну. Разбуженный радиоприемник обиженно захрипел, и Харальд Пейпер бросил еще одну монетку в невидимую копилку. Две! Напарник, всего лишь унтерштурмфюрер, из новоиспеченных, обратился, не упомянув звания, словно к другу-приятелю. И разрешения не спросил. Мелочь, но прежде отпрыск адвоката из маленького Опладена такого не позволял, именуя командира даже не по званию – «шефом». Был шеф, да весь вышел, утонул, мухой в янтаре. И чтобы заметить это, не надо быть потомственным колдуном.

...Шварцкольм, твердыня сорбов, отчий дом. Потом он станет немцем – но потом.

Ему – тринадцать лет, и Катарине-соседке столько же. Первая любовь, внезапная и обреченная, как слишком рано

⁴ Автор не разбирается ни в званиях, ни в униформе, ни в истории Schutzstaffel – и не желает разбираться.

проклюнувшийся мартовский подснежник.

В ее глазах – холодный зимний свет. Слова – снежинки. И надежды нет.

– Ты очень хороший парень, Гандрий, но нам нельзя видеться. Все вы, Шадовицы, колдуны, с вами знаться – нечистому поклоны класть. Не приходи больше.

Тринадцать лет... Он бы не удержался, заплакал, но Катарина внезапно обняла, прижалась щекой к щеке...

Весна настанет, и весна пройдет. Промчались годы, но на сердце – лед.

Когда выбирали имя для дочки-одуванчика, он постарался, чтобы жена сама предложила уважить богатую, но скупую тетку, Катарину-Елизавету. Не слишком трудно – простой этюд для разведчика-новичка. Гандрий Шадовиц, давно уже ставший Харальдом Пейпером, новичком отнюдь не был.

Жена учила Одуванчика французскому, он же, наплевав на конспирацию, родному сорбскому.

– Katarina, i neka izache sa tajnim jezikom! Samo za tebe i mene?⁵

– Tvoja tajna jezika? – дочь сдвинула светлые бровки. – Nochu da!

А совсем недавно он попытался спросить Одуванчика о зеленом свете под веками. Очень осторожно, чтобы не напу-

⁵ Здесь и ниже автор использует не язык сорбов (лужицких сербов), а родственный ему сербохорватский, как более понятный читателю. Герой предлагает дочери изучить «тайный» язык. Та не против.

гать.

...Стекло, огонь, машина, зелень, ночь. О Боге он не думал, вспомнил дочь...

– Ага, наконец-то!

Радиоприемник, отхрипев и отмяукав, разразился веселым русским фокстротом.

Dunja, ljublju tvoi bliny,
Dunja, tvoi bliny vkusny,
V tvoih blinah ogon' i nezhnyj vkus,
Tvoih blinov s'est' mnogo ja berus'.

– Peter Leshhenko, – вставил свое сын юриста. – Славянин, а слушать приятно. Говорят, среди его предков – римляне, так что неудивительно. Интересно, о чем он поет?

И снова ни «шефа», ни «гауптштурмфюрера». Харальд Пейпер предпочел промолчать, хотя русский знал неплохо, а с Петром Константиновичем Лещенко был знаком не первый год.

Dunja, davaj blinov s ognja,
Dunja, celuj sil'nej menja!

Не выдержал – и прикрыл веки, погружаясь в пропитанную зеленым огнем пучину. «...Все вы, Шадовицы, колдуны, с вами знаться – нечистому поклоны класть».

В зеленой бездне не найдешь угла. А Смерть гналась за

ним – и догнала.

2

От трапа уцелели три мокрые ступеньки, остальное съел туман. Белесая стена, подсвеченная желтым огнем прожектора, заслонила и близкий причал, и лежащий за ним город. Ни моря, ни земли, ни неба, лишь стьялая, дышащая холодной сыростью вата. Даже Мать-Тьма отступила, отдавая мир неясному колышущемуся сумраку. Хочешь – ныряй прямо с головой, хочешь – отступай, прячься в привычном полумраке маленькой каюты...

– Уже все сошли, мисс!⁶ – прогудело откуда-то слева.

Мухоловка кивнула, благодаря, застегнула верхнюю пуговицу легкого плаща. Поежилась. Приплыла, считай, прямоком в зиму, хоть на календаре всего лишь начало сентября. Пассажиров, решившихся уйти в туман, немного, едва ли десяток. Гавр – порт промежуточный, короткая стоянка перед пунктом назначения – британским Ливерпулем. На то и расчет, мало кому интересны транзитные пассажиры ничем не примечательного старика-парохода с кофейным названием «Арабик». Таких у компании «Кунард Уайт Стар Лайн» по дюжине на каждой океанской линии. Грузопассажир – зна-

⁶ Здесь и далее в некоторых случаях обращения «мисс», «мадемуазель», «герр», «мадам», «фройляйн», «фрау», «синьорина», «камарадо» оставлены без перевода.

чит, и смотреть в первую очередь будут груз, люди – только довесок. Потому и пристали не к пассажирскому причалу, к грузовому, и то не главному.

Пора!

Девушка пристроила поудобнее трость в руке, сжав влажное навершие, и мельком пожалела об оставленном в каюте привычном костыле. Не хотелось возвращаться калекой... По палубе двигаться легко, если не слишком торопиться, ступеньки – дело совсем иное. Она осторожно шагнула вперед, на мокрый металл.

– Мисс?! – вновь прогудело сбоку, на этот раз с явной обидой. – А мы зачем, мисс?

Ответить не успела – палуба ушла из-под ног. Ее не взяли на руки, просто приподняли, ухватив за плечи, как поднимают над землей ребенка. Миг – и пахнуло туманом. Где-то внизу гудело потревоженное железо, а под ухом мощно и ровно дышала паровая турбина – тот, кто взял ее на руки, не слишком утруждался лишним весом.

– Пограничники внизу, мисс, – гудок исчез, став негромким тревожным свистком. – И таможня там же. Но цепляться не станут, знакомые.

– Спасибо.

Каждому, даже самому закоренелому грешнику, положен ангел-хранитель. У Анны Фогель, пассажирки первого класса грузопассажирского парохода «Арабик», таковых оказалось целых два. Один, немолодой рыжий матрос-ирландец

двухметрового роста, сейчас транспортировал ее вниз, второй, невысокий юркий мулат, помощник корабельного кока, уже на причале с ее чемоданом и сумочкой. Откуда взялись, ей никто не стал объяснять. Подошли в первый же день рейса, улыбнулись, представились.

– Можете рассчитывать на нас, мисс!

Опекали незаметно, но плотно. Секретный агент Мухоловка сразу же оценила класс. Профессионалы!

Значит, и на причале все будет в порядке. Собственно, волноваться нечего, она сойдет на землю свободной Франции, а главное с ней самый надежный друг – документ с гордым белоголовым орлом.

«Фройляйн! Вам незачем беспокоиться. Я гражданин США, у меня есть паспорт...» – сказал ей при знакомстве симпатичный лопоухий парень. Когда это было? В мае? А словно целая жизнь прошла, и не одна. Тогда, под пушечные выстрелы, слова о документе от дяди Сэма звучали не слишком убедительно. Теперь же...

– Осторожно, мисс!

Приземлилась! В руку легла спасительница-трость. Здравствуй, прекрасная Франция!

– Добрый вечер, мадемуазель. Позвольте ваши документы.

Уже по-французски, с казенной вежливостью.

Граница!

Национальный Комитет – дюжина перепуганных до синевы эмигрантов – потерял дар речи, когда она заявила, что едет в Европу. Беглецов, до сих пор не верящих, что уцелели, одна мысль о подобном приводила в ужас.

– Это же очень опасно, фройляйн Анна! У нацистов всюду агенты, а вы назвали Гитлера таким плохим словом, да еще и в прямом эфире...

Однако возражать не стали, кому-то требовалось перешагнуть океан. Без связей с Родиной Национальный Комитет – всего лишь кучка бессильных болтунов. Помочь братья-эмигранты ничем не могли, лишь собрали немного денег. Мухоловка не слишком на них и рассчитывала, у нее уже были надежные друзья. Не особо приметные, как эти двое на пароходе.

– Поздравляю с прибытием на землю Французской республики. Добро пожаловать, мадемуазель Фогель!

Вот и еще один друг – белоголовый, в твердой обложке. Паспорт даже не пришлось доставать, его вручил пограничнику мулат, носитель сумочки. Офицер, служака опытный, быстро перелистал страницы, подсвечивая фонарем, затем прицелился неведомо откуда взявшейся печатью. Шлеп! Вернул – не ей, а все тому же мулату. Негромко щелкнул замочек.

– Вам вызвать такси, мадемуазель?

Таможенник, тоже мужчина с опытом, даже не стал смотреть на ее новенький чемодан дорогой желтой кожи. Прогнозировал, зато зацепился взглядом за трость.

– Это грузовой причал, мадемуазель, до города далеко, больше десяти километров. Сейчас уже ночь...

– Спасибо! Меня должны встретить.

Оставалось поблагодарить служивых и попросить друзей-матросов отнести ее вещи подальше, в самое сердце тумана. Чемодан приземлили на относительно сухой пяточок в центре желтого прожекторного пятна. Мулат, белозубо усмехнувшись, вручил внезапно потяжелевшую сумочку. Девушка, взвесив ее в руке, улыбнулась в ответ.

...Карманный Mauser M.1910, в просторечии «номер один». Порядок!

Попрощались. Пожали друг другу руки.

– Успешной работы, мисс! Будем загибать за вас пальцы!..

Сначала туман поглотил рыжего ирландца, затем улыбчивого мулата. Колыхнулся неслышно...

Анна Фогель вернулась.

3

Что страшнее большого зуба? Два – и оба болючие до полного омерзения. Один сверху, слева, второй снизу...

Ой-й!..

– No-no! – сказал он бармену, не слишком следя за речью. – Таковое не изволю, thanks. Считите за любезность поискать что-нибудь покрепче. Буду вельми признателен, уважаемый мсье. Whiskey у вас имеет место быть? Oh, yeah! Самый обычный whiskey, можно без water.

Пока говорил, боль пряталась – потому и не жалел слова. Бармен, явно не оценив, взглянул кисло. В самом центре Парижа, на бульваре Сен-Жермен, требовать виски? Варвары-янки!

Отношение он прекрасно уловил, но задираться не стал. Зубы, и верхний, и нижний, дружно выдали новый импульс...

Ой-й-й!..

Виски все же нашелся – в темной бутылке с крайне подозрительной этикеткой. Дома на такое он смотреть бы не стал, отвернулся. Но здесь вам, извините, не там.

– No-no! Не рюмку, please. Glass. Э-э... Стакан! Yeah!.. Да, полный, до краев.

Бармен спорить не стал, однако – поглядел. Собственно, никакой не бармен, но как именуется тип за стойкой во французском брассери, сиречь в «пивоварне», забылось. Верхний зуб, нижний зуб...

Ну, cheers! Вот вам, мерзавцы!..

От первого же глотка немного полегчало, боль, съжившись, отступила, однако Кристофер Жан Грант (для коллег – Крис, для немногих близких – Кейдж) по-прежнему чув-

ствовал себя несчастней некуда. И зубы, при всей их мерзкой злокозненности, были лишь последней тяжелой каплей.

...Невысок, не слишком силен, на носу стеклышки «минус три», пиджак, купленный перед самым отъездом в магазине на 34-й стрит, сидит косо, левое плечо горбом выпирает. А еще завернули его статью, над которой он, горе-репортер еженедельника «Мэгэзин» работал всю последнюю неделю, а еще...

– Там есть свободное место, мсье. Во-о-он в том углу!

Бармен, который вовсе не бармен, был рад отфутболить подальше варвара-янки.

* * *

«Пивоварня» на Сен-Жермен именовалось «Липп» и была чем-то невероятно знаменита. Чем именно, Крис Грант, пусть и профессиональный репортер, не слишком задумывался. Само собой, грифельные доски вместо привычного меню, само собой, портреты знаменитых посетителей на стенах. Присматриваться Крис не стал, но Эрнеста Хемингуэя узнал сразу, благо знакомы, и знакомы неплохо. Эрнест, кажется, даже поминал это брассери – в числе прочих, где приходилось гудеть.

– Париж – праздник, который всегда с тобой, – изрек старина Хэм, когда они в последний раз вместе приговаривали бутылку виски (настоящего, не этой гадости чета!). – Ты

же из Нового Орлеана, Кейдж, малыш? Вот и представь себе ежедневный карнавал. Честно скажу, спянуть можно уже через неделю.

Глотнув от души, добавил, как человек знающий:

– Только, Кейдж, не вздумай клеветать на тамошних мадам.

Лучше с собой привози, это я тебе точно говорю.

Малыш Кейдж (рост – 5 футов и 4 дюйма) поглядел на маститого коллегу (на четыре дюйма выше, а уж плечи!) с немалым уважением и не без зависти. У Хэма женщинами набиты все карманы – и еще целый табун стучит каблучками на подходе. Легко ему, жизнелюбу, советы давать!

А статьи было жалко. Не только потому, что неделя работы пропала. В Берлине, на Олимпиаде, Крис не писал, отписывался – профессионально, даже с блеском, но без всякой души. Нацистские игрища под барабанный бой не радовали. «О спорт, ты – мир!» Если бы...

О, спорт, ты – Гитлер!

А тут тема – настоящая, живая. Работалось – словно пелось. Замечательная вышла статья, считай, лучшая. А кто завернул? Формально – Джордж Тайбби, здешний босс, заместитель главного редактора и по совместительству – его же, редактора, родной брат. А на самом деле?

– Это же политика, малыш! Нельзя сейчас дергать Гитлера за яйца, нельзя! Все понимаю, работа хорошая. Отличная работа! Но – нельзя!..

Гитлер! Чтоб он сдох, поганый некрофил!⁷

Кристофер Жан Грант вновь отхлебнул из толстостенного glass – и бухнулся, куда указано. Благо, не ошибешься, свободное место за маленьким, на двоих, столиком – единственное во всей «пивоварне».

– Добрый вечер!

Ответа не услышал, хотел обидеться, но понял, что говорит по-английски. Французский, как назло, заклинило, и он сказал на родном:

– Gud'ning!

* * *

– Мама, а почему мы – кейджен? Учитель, маста⁸ Робинс, сказал, что мы – американцы, только говорим по-французски.

– Это и так, и не так, малыш. Французами были наши предки – те, что жили в Канаде. А мы с тобой – кажуны. «Кейджен» – так называют нас янки.

Луизиана, Штат Пеликанов, приход Кэлкэшу, городок Сен-Пьер – палеолит⁹, начало начал, его, Кейджа, пещерный век. Мир кончался за близкой околицей, взрослые не расста-

⁷ Эрих Фромм. «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии».

⁸ Здесь и далее герой будет использовать «низовую» лексику Юга США, в том числе обращения «маста», «аббе», «dude», оставленные без перевода.

⁹ Образ детства-палеолита – из романа Олеся Гончара «Твоя зоря».

вались с винтовками, мальчишки учились стрелять прежде, чем сесть за парту. Отец уехал на своем грузовике за околицу да так и не вернулся, мама – бухгалтер на единственном в округе заводе. Синее глубокое небо, черные грозовые тучи, звон церковного колокола по воскресеньям, белый краппи на крючке – мечта каждого рыболова.

Они – кажуны.

– Да какая разница, Крис? – говорил ему крестный, местный кузнец с героической фамилией Форрест. – Главное, ты настоящий южанин, ты – дикси!

– Какая разница, кто ты, Кристофер, – через много лет скажет Анжела, первая любовь. – Главное, ты – белый. А я – нет.

– Какая разница? – засмеется Эрнест Хемингуэй, опрокидывая очередную рюмку. – Главное, Кейдж, ты – классный репортер.

Разницы не было, но проблем хватало. В Сен-Пьере, в родной пещере, «кейджен» понимали все, английский же учили в школе. Маленький Крис очень старался, но когда мама решила переехать в Новый Орлеан, выяснилось, что там совсем другой английский. Французский, впрочем, тоже. В Новом Орлеане он и стал Кейджем – в их уличной компании Кристофер уже наличествовал. А потом был Нью-Йорк – Большое Яблоко, где все пришлось учить по-новому.

Кристофер Жан Грант привык и уже ничему не удивлялся. Когда не хотелось откровенничать, говорил, что Кейдж –

персонаж из комиксов, трехметровый детина сам себя шире. При этом гордо расправлял плечи и поправлял стекляшки на переносице.

– Gud'ning! – повторил он, и, вспомнив таки настоящий французский, хотел уточнить, однако не успел.

– Gud'ning? Gud'ning? Канада? Да, Канада! Малыш из Канады. Да? Нет! Малыш из Нью-Йорка, из «Мэгэзин», тогда почему «gud'ning»? Загадка, загадка, тра-та-та, ту-ту-ту!

И все – единой очередью, пулемету на зависть. Крис, пристроив стакан на столике, осторожно поднял взгляд – и узрел длинный-предлинный нос. Все прочее: и худые щеки, и узкие, словно выщипанные брови, и закрытые глаза – совершенно терялись на фоне этого совершенства. Нос... Нет! Клюв, причем не птичий, кальмару под стать.

Крису бы удивиться, но он не стал. Мир тесен, а «пивоварня» на бульваре Сен-Жермен – самое репортерское гнездо.

– Добрый вечер, мсье де Синес!

Они уже знакомы, пусть и вприглядку: гость из Нью-Йорка и великий Жермен де Синес (бульвару – тезка!), краса и гордость французской журналистики. Популярный настолько, что за его столик предпочитали не садиться. Руку подавали, однако не все и без всякой охоты.

Крис был далек от местных разборок. Мсье Кальмар – конечно, и хищник, и живоглот, но в Нью-Йорке приходилось встречать чудищ пострашнее. Европа, как ни крути, провин-

ция, почти как его родной Сен-Пьер. Клюв? И что такого? У него самого, к примеру, очки...

– Малыш бледен, малыш грустен, малыш огорчен, тра-та-та. Почему? Включаем дедукцию...

И вновь – пулеметом, не открывая глаз. Клюв же, изменив положение, нацелился точно на собеседника.

– Дедукция, дедукция, ту-ту-ту... А зачем дедукция, когда все понятно, все как на ладони, варианта ровно два. Два-два-два! Ква-ква-ква! Первый – прекрасная незнакомка. Да-да-да! Это Париж, здесь полно прекрасных незнакомок, тра-та-та. Почему бы и нет? Малыш встретил ее, она была под вуалью, ту-ту-ту...

– Второй вариант.

Мсье Кальмар открыл один глаз – левый. Крис же поднял стакан повыше. Боль куда-то ушла, зато вернулся французский, и молодой человек вполне мог бы выразиться на языке Вольтера и Рембо:

«Ваше здоровье!»

Однако поскольку он – загадка, да еще и «ту-ту-ту», не хотелось обманывать ожидания.

– Сто лет, маста де Синес! Vivat!..

Это уже на «кейджен».

4

В каждом деле – свои традиции. И в каждом доме – свои.

Допустим, арест, дело скучное и протокольное. Предъявить документы, установить личность, ясно и четко объявить о санкции, произвести обыск. Это здесь, в Рейхе, зато у большевиков не арест, а театральное действо, почти мистерия. Вначале – кулаком в нос, затем – пуговицы с брюк, потом – стволом в спину. И ритуальное: «Idi, s-suka!» Не скажешь, арестованный обидится, а начальство не поймет.

Кое-кто из сослуживцев Харальда пытался подражать коллегам из далекой Russland, однако руководство строго запретило. Рано, не созрел немецкий Михель!

Зато большевики – паршивые бюрократы. Чтобы исполнить одного-единственного индивида, стряпают целое «Delo», портят бумагу, машинисток напрягают. Потом отправляются zasedat'. А зачем? Достаточно вызвать служебную машину, перехватить объект, заклеив рот изоляционной лентой, и отвезти за город, на ночь глядя. Труп же потом подберут коллеги из «крипо». Дело, конечно, заведут, но не слишком большое, на пару страниц. Искали, да не нашли.

Харальд Пейпер с трудом разлепил веки, выныривая из зеленой бездны. Да, в каждом деле свои традиции, но и хитрости тоже. Изолента не всегда нужна, можно поступить куда проще. Посадить, скажем, объект рядом с собой на переднее сиденье, включить радио...

– Да что они, попрятались? – возмутился Хуппенкотен, вращая рукоять настройки. – Ага, наконец-то!

...бурном море
гуляют волны,
В женском сердце
царит насмешка,
В женском сердце
ни волн, ни солнца,
У мужчины
в душе смятение...¹⁰

Дальше слушать не стал. Выключил, поморщился:
– И здесь мужеложцы!

Хоть и не о том думал гауптштурмфюрер СС Пейпер, но – удивился. Танго «Аргентина», весь мир поет, весь мир танцует. Кроме Рейха, само собой.

– Разве нет? – удивился сын юриста, сомнения почуяв. – Вы, шеф, и без меня знаете: танго – мужской танец. Шерочка с машерочкой, и оба – при усах. А это танго еще и политически вредное.

Вновь потянулся к приемнику.

А любовь
мелькает в небе,
Волну венчает
белым гребнем,
Летает и смеется,
и в руки не дается,

¹⁰ Текст танго «Аргентина» написан Олегом Ладыженским, за что автор ему чрезвычайно признателен.

Не взять ее никак!

О Аргентина, красное вино!

– Одни мерзавцы про Аргентину поют, другие – книжонки пишут, обещают целую планету на голову скинуть. Между прочим, наш главный...

– Стоп! – не думая, отреагировал Харальд. – Дальше не надо.

Хуппенкотен мельком поглядел в зеркальце заднего вида.

– Понял.

В салоне черного «мерседеса» их трое, но говорить могли не все.

– Тогда про другое, – сын юриста весело хмыкнул. – Это как раз не тайна, шеф. Велено не печатать, но распространять устно, чтобы кто следует, задумался. Знаете, кого недавно в Бухенвальд отравили? Юргена Ольсена!

Харальд даже плечами пожимать не стал. Мало ли Ольсенов в Бухенвальде?

– Не помните, шеф? Фильм был – «Квекс из гитлерюгенда», режиссер Ганс Штайнхофф. Ольсен этот Квекса, главного героя, играл. Смазливенький такой, белокурый, губастый, прямо душка!..

На этот раз «шеф» поминался регулярно, болтовня неутомимого Хуппенкотена была, в отличие от танго, политической и правильной, фары дальнего света уверенно рассека-

ли тьму, мотор, новенький дизель, работал без перебоев, но Харальд, сын колдуна, уже все понял. Зеленый свет – не зря. Второй раз в жизни? Третий! Впервые – дома, в Шварцкольме. Ему было восемь, он очень испугался, рассказал брату.

– Не знаю, – удивился Отомар. – У меня такого никогда не было... Гандрий, тебе нужно немедленно к врачу!

Старший брат, такой же потомственный колдун, как и он сам, не ошибся. Уже к вечеру накатила слабость, затем ударил жар... Скарлатина! Выжил чудом, чтобы увидеть зеленый свет уже взрослым...

– Вы – параноик, Харальд, – сказал ему Агроном, прощаясь. – Вот и действуйте, как параноик.

С Агрономом они знакомы с 1924-го. Близорукий, в нелепом пенсне, с ватным лицом и блеклым взглядом, он словно слеплен из комплексов – на трех докторов Фрейдов хватит. Всем плох, кроме одного – никогда не сдает своих. И ничего не говорит зря.

Шеф чётко, как доложат – восскорбит. Но толку мало, если ты – убит!

5

Смотреть в туман не имело смысла, зато можно слушать. Вначале должен загудеть мотор, потом – резкий голос клаксона. Заодно в очередной раз перетасовать колоду. Кого именно пришлют? Расклад несложен, всего две кандидату-

ры...

Одна рука в кармане плаща, вторая сжимает трость. Холодно, но лучше так, чем в уютном инвалидном кресле под тремя пледами. На заседание Национального Комитета она приковыляла на костылях – но все-таки своими ногами. Потом лежала почти сутки, снова встала – и снова пошла.

– Вы из железа, Анна, – сказала ей Старуха. – Я вам очень завидую.

Подумать, так полный бред, но Маргарита фон Дервиз говорила вполне искренно. Странно тасуется колода! Им бы ненавидеть друг друга...

Мухоловка, перебросив трость в другую руку, спрятала озябшие пальцы в карман. Перчатки в чемодане, не догадалась достать. Но это пустяки, как и туман, и промозглая сырость. Туман – даже хорошо, чем меньше чужих глаз, тем лучше.

Ну, а если Европа, то пусть она будет,
Как озябшая лужа, грязна и мелка,
Пусть на корточках грустный мальчишка закрутит
Свой бумажный кораблик с крылом мотылька...¹¹

Набережная. Туман. Артюр Рембо...

– Добрый вечер, мадемуазель! Не помешаю?

Голос прозвучал откуда-то сбоку, из самых глубин беле-

¹¹ Здесь и далее «Пьяный корабль» Артюра Рембо приводится в переводе М. П. Кудинова.

сой мглы. Темный, еле различимый силуэт...

– Не помешаете. Добрый вечер!

Ответила, даже не думая. «Номер один» в правом кармане, заряжен, проверен. Не мешает!

– О, я не грабитель, мадемуазель. Просто гуляю. А вы, кажется, иностранка?

Любитель поздних прогулок ступил в желтый прожекторный круг. Может, и не грабитель, но бродяга – точно. Старая шляпа набекрень, вокруг шеи – шарф-удавка, одежда с чужого плеча, даже в тумане видно. Трехдневная щетина, руки в карманах, мятый окурок в зубах.

– Иностранка, – согласилась она. – Вы кого-то ищете?

– Хм-м...

Бродяга задумался, ковырнул бетон носком старого ботинка.

– Пожалуй, и нет. Брожу, о своем думаю. А если кого встречу, то сразу предупреждаю...

– ...Что вы не грабитель, – кивнула девушка. – Знаете, у меня не слишком много денег, но если вы голодны...

– Очень странно, мисс.

Теперь – по-английски, чисто, без малейшего акцента. Подошел ближе, прищурился, взглянул в лицо.

– Вы мне напомнили одного молодого человека, американца. Он стоял у трапа и ждал свою девушку. Знал, что не придет, но все равно ждал. Я не голоден, мисс, но не откажусь от приличной сигареты. Надоел здешний горлодер.

Закурили вместе. Бродяга, глубоко затянувшись, одобрительно хмыкнул.

– Девушка, да еще красивая, а курите правильные, вкусные... Кстати, мне порой вопросы задают, а я отвечаю. Так что спрашивайте, если охота будет.

Мухоловка прислушалась. Ни мотора, ни гудка, только туман – и странный бродяга.

Спросить?

– Меня убьют?

Его лицо оказалось совсем рядом, глаза взглянули в глаза.

– Нет, мисс. Не должны. Слишком велика сила того, кто молится за вас.

Анна не выдержала – прикрыла веки. Туман исчез, сменившись сверкающим серебром бесконечной Лунной дороги. «Рыцарь, которому прислали белые лилии...» Ее рыцарь...

Тяжелая ладонь легла на плечо.

– И не бойтесь. Вас простят.

Анна открыла глаза. В зрачки плеснул туман. Никого...

– Вы... Вы пришли, чтобы это сказать?

Крикнула, не надеясь на ответ, но ошиблась.

– Я прихожу к тем, кому страшно и плохо на темной дороге. Может, когда-нибудь простят и меня.

Желтый огонь прожектора, горечь во рту, погасшая сигарета в руке.

В темный воскресный день ты торопись ко мне.
Свечи в гробу, догореть вы успеете.
Бедное сердце не бьется в груди моей...¹²

Справились, стала ровно, вцепившись пальцами в мокрый набалдашник. И тут же услышала низкий гул мотора. Белый огонь фар, резкий крик клаксона...

– Госпожа Фогель! Анна, вы здесь? Анна!..

Мухоловка улыбнулась – и шагнула в туман. Расклад несложен, всего две кандидатуры. Она угадала.

– Я здесь, Руди!

6

Маленький Крис совершенно не боялся грозы – и не желал прятаться, когда начинало сверкать и грохотать. Грозы же в его счастливом палеолите, в маленьком городке Сен-Пьер, были совершенно невероятными. Черная стена туч от небес до пыльной красной земли, острый привкус в каждой глотке воздуха – и белый чистый огонь. А еще и гремело до звона и боли в ушах, однако небесный грохот менее всего впечатлял. Винтовка тоже не молчит, гудит мотор (тот самый, в уехавшем неведомо куда отцовском грузовике) – и соседки орут громко, когда разбегаются при первых же кап-

¹² Здесь и далее песня «Мрачное воскресенье» приводится в переводе Петра Лещенко.

лях дождя. Приоткрыл рот, надавил на ноздри – порядок. Огонь же совсем иное, особенно если совсем рядом, в близкое дерево, чтобы неведомая тугая сила толкнула в грудь!

В очередной воскресной проповеди суровый «прест» (на привычное «курэ» священник обижался) помянул гордецов, не боящихся гнева Божьего. При этом чуть ли не пальцем ткнул в нужном направлении, дабы ошибки не вышло. Маленький кажун Крис намек уловил, но отнюдь не проникся. Гнев? Но разве не рек Господь: «Я пойду туда, и вымету там все, и украшу...» Это же прямо о грозе!

За умствование на исповеди юный грешник получил вместо прощения грехов крепкий подзатыльник с наддранием ушей и последующим изгнанием из храма. Не помогло! Крис, ростом не удавшийся, окулярами отягощенный, именно в те минуты, когда сверкало и гремело, разбегалось и пряталось, а он шагал навстречу, чувствовал себя цельным, сильным и ничем не обделенным.

Вровень!

– Глупо подставлять пуле лоб, – рассудил крестный, чьи оба деда пали под Геттисбергом. – Но я тебя понимаю, Крис... Вот что! Раз я тебе вместо отца, то вообрази, будто я жестокий и страшный, с кожаным ремнем наперевес. И я тебе строго-настрога запрещаю! На самом деле я тебя очень прошу, малыш, но все станут так думать.

– Я сама была в детстве такая, – грустно улыбнулась мама. – Ничего не боялась. А теперь боюсь – за тебя, Крис. Я

слабая, ты – сильный. Рассуди сам, сынок.

Геройствовать маленький кажун перестал, но грозу по-прежнему любил – и не боялся шагнуть навстречу. Гроза могла быть разной, она умела менять облик, превращаясь то в черную банду на соседней улице в Новом Орлеане, то в очередного «босса» в Нью-Йорке, когда приходилось менять работу каждую неделю. При этом храбрым Крис себя отнюдь не считал – робел перед красивыми девушками, до дрожи боялся тараканов, а уж когда начинали болеть зубы!..

Так и жил – не герой и не трус. Но совсем недавно, перед самым отъездом в Европу, когда в очередной раз сверкнуло и загрохотало, Кристофер Жан Грант, репортер еженедельника «Мэгэзин»... Нет, не убежал, но голову все-таки склонил. Потому и скверно на душе.

* * *

– Та-та-та! Ту-ту-ту! – продолжал строчить пулемет. – Малыш загадал загадку. Загадка-отгадка, ничего сложного, ничего трудного. Ля-ля-ля, подумаешь, уравнение Ферма! Ту-ту-ту, сейчас поглядим, сейчас оценим...

Второй глаз мсье де Синеса так и остался закрытым – и губы почти не двигались, лишь слегка кривились, растягиваясь до самых ушей. Кейдж, успевший уже ополовинить glass, отнесся к происходящему философски, но уже понял, отчего пустовало место за столиком. Это для него чудящий Каль-

мар – экзотика, а если с таким общаться каждый день?

– О чем ваша статья, мсье Грант?

«Малыш» исчез, зато открылся второй глаз. Взгляд был острым и совершенно трезвым. Крис пожал плечами (угадал-таки, клювастый!), хотел ответить...

– Нет! – воздух рассекла узкая длинная ладонь. – Не спешите, мсье Грант! Имейте в виду, все вами сказанное будет наверняка украдено. Мною, да! Мне нужен новый костюм, новые туфли и кофейник. Поэтому я у всех ворую, и меня все боятся... Итак, что там было в статье, которую не стали печатать?

...Была злость – искренняя, от всего сердца. В Берлине, в малых промежутках между фанфарами и барабанами, Кристофер сумел поговорить с несколькими спортсменами – немцами и (бывшими!) австрийцами. Его статьи читали и в Германии, поэтому кое-кто решился на откровенность. Кейдж слушал, запоминая (записывать не решался), сжимал кулаки. А потом его познакомили с парнем в нелепых темных очках. Тот, не сказав ни слова, вручил Крису несколько рукописных страниц и фотографии. Приехав в Париж, репортер заперся в номере и три дня писал. Потом выждал день, перечитал – и отправился к боссу.

– ...Все понимаю, работа хорошая. Отличная работа! Но – нельзя!.. И не вздумай издавать это где-нибудь еще, Крис. Тогда тебе конец – распнут. Не потому что я урод и нацист, а потому что всем редакциям, от Аляски до Флориды, намека-

нули из самого белого в наших Штатах дома...

– ... Чтобы не дергали Гитлера за яйца, понял. Помнишь, Джордж, как французские спортсмены перед трибунами «зиговали»? Как думаешь, им тоже намекнули?

* * *

Стакан почти опустел, остался глоток, не больше. Крис не был бойцом, и при прочих равных (да еще на пустой желудок) давно бы окосел. Но то ли зубам-мерзавцам спасибо, то ли парижской вечерней сырости, но чувствовал он себя совершенно трезвым. Проверялось легко – по собственной речи. Язык так и чесался, пытаюсь выдать особо утонченную гадость, но разум бдил. Лучше отделаться простым «Не согласен!». А еще лучше – промолчать.

Мсье Кальмар, великий Жермен де Синес, паузу держать определенно не умел.

– А вы, значит, другой? – желтоватые зубы недобро клацнули. – Не обманывайте себя, мсье Грант! Всем нужны хороший костюм и хорошие туфли! Или вы о духовном? Понимаю-понимаю, как без этого? Свою первую заметку я написал в двенадцать лет – про нашего школьного учителя. Всего двадцать строчек, но от него ушла жена, его выгнали со службы, а потом, извиняюсь за выражение, крепко начистили рыло. Вот так! Поэтому я воровал и буду воровать, пишу гадости и мерзости, плюю в души и топчусь по ним, не вы-

тирая подметок – чего и вам, юноша, желаю. И это не беспринципность, напротив – железный принцип!

Мосластый палец с обкусанным ногтем взлетел к затянутому сизым табачным дымом потолку. Крис проследил направление – и вновь предпочел промолчать. Мсье Кальмар определенно разбирался в психологии, но и Кейдж не вчера родился. «Юноше» уже двадцать семь, даром что выглядит молодо. А свою первую заметку он тоже написал в двадцать.

...Про Сэма Тайлера, знаменитого кларнетиста с улицы Бургунди, которого не стал спасать белый врач. Две газеты отказались печатать, третья, либеральная «Нью-Орлиэнс Таймс-Пикьюн», осмелилась.

– А у меня нет никаких принципов, – сказал один репортер другому. – Я просто статьи пишу. Держите!

...Помятые машинописные листы, небольшая пачка снимков в черном конверте из-под фотобумаги.

– Уверены? – Кальмар с подозрением оттопырил нижнюю губу. – Имейте в виду, у меня абсолютная память. Было ваше – стало наше!

– Читайте!

* * *

– Тра-та-та! Ту-ту-ту! Плохо! Совсем плохо! Ужасно! Ночной кошмар, никакой выдумки, все в лоб да в лоб, па-

фос, пифос, патос... Я вас не слишком задерживаю, юноша? Нет! Прекрасно, прекрасно, читаем... Ля-ля-ля! Фа-фа-фа! Опять пафос с патосом... Сарказм? Так и пишете: «Далее – сарказм», иначе не поймут и не оценят, ту-ту-ту. Это выбросить, это тоже, все выбросить, все переделать... Две подписи, мсье Грант! Моя, понятное дело, первая, потому что я – Жермен де Синес. Да-да-да! Гонорар с первой публикации – пополам, с остальных – десять процентов. Вам! Купите себе приличный костюмчик, ботиночки... Подписи не хотите? Вообще? Тогда – двенадцать процентов и... Не пугайте меня, мсье Грант! Вы же еще не покойник, значит, и вам нужны деньги. Ага, понял, понял! Грусть в глазах, губы кривятся... Дайте-ка я вас посмотрю... Ясно! Случай тяжелый, но решаемый. Как зовут вашу прекрасную мадемуазель?

* * *

Стакан с недопитым виски сиротливо скучал на самом краю стола, в центре же царили две рюмки – густой оранжевый огонь и темная малахитовая зелень.

– Только никому не рассказывайте! – Кальмар дернул худой шеей, оглядывая зал. – Кажется, не заметили, и слава богу. Я никого не угощаю, мсье Грант, я очень-очень жадный и скупой. Узнают – конец репутации, кошмар и гибель... Вам – коньяк, очень приличный, прямиком из кантона Южный Коньяк. Его положено пить двумя глотками, не ошиби-

теть. Мне абсент, он всюду запрещен, но мне можно. Мне все можно, та-та-та, ту-ту-ту... Значит, договорились?

Вопрос прост, как и ответ.

– Мы ни о чем не договаривались, мсье де Синес. Я лишь отдал вам несколько испорченных страниц.

...Прекрасную мадемуазель звали лошадиным именем Камилла. Двадцать семь лет – ровесница, старая дева, вечно поджатые губы, белый верх, черный низ, в редкие праздники – серое платье. Камилла Бьерк-Грант, почти однофамилица – вечная тень блистательной Лорен Бьерк-Грант, старшей сестры.

– Не будь идиотом, Крис, – сказала ему Лорен. – Ты хотел карьеры – вот она! Я выхожу замуж за босса, за мистера Джеймса Тайбби – и помогаю вам во всем. Иначе так и будешь подавать надежды до самого маразма. Предложение сделаешь сегодня же. Понял?

И он склонил голову.

7

– ...А знаете, как ребята шутят? Мол, мужеложцев надо бы приберечь. Иначе чем мы станем заниматься, когда евреи кончатся? Кстати, шеф, мы почти на месте. Справа километровый столб был, заметили?

И вновь Харальд Пейпер предпочел промолчать. На месте? Интересно, на каком? Приказ от начальства получал он,

а не болтливый унтерштурмфюрер. Лично, один на один! Про место исполнения не было сказано ни слова, Козел лишь небрежно бросил: «Как обычно!»

Сын колдуна поглядел на улыбающегося напарника – и все стало на свои места. Он, Харальд Пейпер, член югенбунда с 1923-го, НСДАП – с 1927-го, «старый боец» с золотым партийным значком, без минуты – штурмбаннфюрер СС, офицер для особых поручений при шефе СД, списан в расход. И жить ему только до той секунды, когда черное авто затормозит. Все прочее, включая объект исполнения на заднем сиденье – именно для того, чтобы он понял эту простую истину только сейчас, за минуту до гибели.

Еще чуть-чуть – и взвизгнут тормоза. Дорога, ночь, и Смерть глядит в глаза.

* * *

Девять минус пять... После операции в Швейцарии уцелели четверо – они с Хуппенкотеном и двое оперативников. В Рейх, однако, вернулись трое – один из парней, шофер этого самого «мерседеса», получив срочное задание, отбыл неведомо куда.

Четверо минус один.

Еще один – в отпуске, причем не обычном, а длительном, для лечения и поправки здоровья. Вылечат!..

Еще минус один!

Неправда, что начальство убирает всех свидетелей. Это для книжек – и для шпионских фильмов. Одного, причем толкового, с авторитетом, обязательно следует оставить для подстраховки. И лучше всего, чтобы этот свидетель висел на надежном крючке. Он, Гандрий Шадовиц – сорб, выдавший себя за немца. Интересно, на каком крючке висит унтерштурмфюрер Хуппенкотен? Симпатичный такой, белокурый, губастенький?

Черное авто никак не могло продавиться сквозь невидимое стекло, белый огонь рассекал ночь, совсем рядом поджидала зеленая бездна... Сейчас Хуппенкотен не выстрелит, слишком велика скорость – но и остановки ждать не станет. Значит, как только начнет тормозить. Сколько осталось? Минута? Нет, наверняка меньше!

«Вы – параноик, Харальд. Вот и действуйте, как параноик».

Ночь сгинула, уступая место бездонной белой пустоте. Никого и ничего, лишь два улыбающихся портрета. Слева – хмурый, насупленный Агроном при обязательном пенсне, справа – Козел, жиденский чубчик, щелочка губ. Соратники, лучшие друзья, партайгеноссен...

Verdammt Scheisse!¹³

Два года назад Агроном спас своего давнего знакомца, отправив в командировку перед самой «ночью длинных но-

¹³ Здесь и далее персонажи будут использовать obscene лексикку, переводить которую автор не считает возможным.

жей». Козел, готовивший операцию «Колибри», не поленился вписать «старого бойца» Пейпера в очередной список. В тот раз не вышло – Агроном, выждав нужное время, сумел поговорить с фюрером. Рем, Грегор Штрассер – и еще больше тысячи таких же «старых бойцов» – уже мертвы, Бесноватый, упившись кровью до икоты, решил не настаивать...

Смерть промахнулась, и не в первый раз. Но этой ночью, видно, пробил час.

Сын учителя из маленького сорбского города Шварцкольма, что в Саксонии, вновь прикрыл веки, всего на миг, опуская зеленый занавес над закончившейся жизнью – второй, если считать с того дня, когда они с братом уехали из дому. А что впереди? Третья? Или...

Путь мужчины –
огни да битвы,
Цель мужчины –
уйти достойным,
Где, скажите,
найти ему покой?
Ах, где найти покой?

Хуппенкотен, убрав ногу с педали газа, оторвал правую руку от рулевого колеса... Не успел. Гандрий Шадовиц убил его выстрелом в висок – почти в упор, пачкая салон темными пятнами крови...¹⁴

¹⁴ «Штирлиц убил Клауса выстрелом в висок». *Юлиан Семенов*. «Семнадцать

Над могилой
кружится ворон,
В тихом склепе
темно и пыльно,
Было солнце –
погасло солнце.

...Бросив пистолет, перехватил руль, чудом отвернул от края кювета. На какой-то миг мир дрогнул, явь стала навью, окрасив пространство зеленым огнем...

Были волны –
теперь пустыня.
Мышью память
в углах скребется,
Подбирает
сухие крошки,
Нет покоя,
покоя в смерти нет.

8

Два года назад преподавателя столичной Академии искусств Анну Фогель отправили на внеплановую стажировку,

и не куда-нибудь, а в город Париж. Мечта! Коллеги глядели с плохо скрытой завистью, ректор с чувством пожал руку, министр культуры угостил чашкой хорошего кофе, удостоив частной беседы.

– Сколько ты продержишься на оперативной работе? – спросил ее другой министр, заправлявший отнюдь не культурой. – Три-четыре года, и это в лучшем случае. А что потом, Анна? Твоя Академия? Неужели ты не достойна большего? Ублюдки, которых я потом расстрелял, сломали тебе жизнь, закрыли путь на большую сцену. Но есть другая сцена, где тоже можно стать первой. Начать, конечно, придется с малого, допустим, с обычного кабинета в министерстве.

Секретный агент Мухоловка даже не обиделась – рассмеялась.

– Эрц! Хочешь усадить меня за стол и тыкнуть носом в бумаги? В следователи не возьмут, я же не юрист. Что остается? Отдел полицейской статистики? Ты это представляешь?

Станислас Дивич укоризненно покачал головой.

– Анна! Прежде чем критиковать непосредственное начальство, следует проанализировать посыл. Я сказал «министерство». Но разве мое министерство – единственное?

Стажироваться выпало непосредственно при посольстве. Помощник атташе по культуре: организация выставок, гастролей, презентаций, ни к чему не обязывающие встречи с коллегами по работе, такими же серыми мышками в штате дипломатических представительств, разбросанных по столи-

це Французской республики.

– При посольствах всегда работали разведчики, – объяснил ей атташе, улыбочивый мужчина с неистребимой строевой выправкой. – Век назад шпионов решили легализовать, понятно, на основах взаимности. Так появились «военные агенты». Однако разведка бывает не только военной. Ей тоже разрешили работать легально, само собой, при соблюдении определенных правил. Но как прикажете именовать руководителя нашей агентуры во Франции?

Вернувшись домой, Мухоловка захлеб рассказывала сослуживцам и студентам о театральных премьерах в Столице мира. «Комеди Франсез»! Опера Гарнье! Пале-Рояль! Театр де ла Вилль! А выставки! А скандалы!.. Сувениры привезла в трех чемоданах, что несколько смягчило бьющие через край эмоции.

– Неплохо для начала, – резюмировал министр Дивич, прочитав отзыв улыбочивого атташе. – Главное, Мухоловка, эти агенты теперь – твои, и только твои. Личная сеть – золотой запас, задел на будущее.

Во Францию она ездила еще дважды – ненадолго, чтобы напомнить о себе нужным людям. А в помянутом Эрцем будущем ее ожидала скромная должность в Министерстве иностранных дел – по соответствующему «культурному» профилю.

Не срослось. Но золотой запас остался.

Туман ли был тому виной или внезапно упавшая тьма (желтый прожекторный круг остался за спиной), но того, кто шагнул ей навстречу, Анна поначалу не узнала. Черный силуэт, громоздкий, неожиданно тяжелый и опасный, заставил отшатнуться, рука сама собой скользнула в правый карман.

– Я это, я! – откликнулась чуткая тьма. – Могу руки поднять, только не стреляйте!

Анна облегченно вздохнула. Все-таки Руди, такое не подделать. А лейтенант Кнопка не может быть опасен по определению. Потому и держала в помощниках.

– Резких движений не делать! Остановиться в двух шагах!..

Это чтобы вспомнил – и не забывался.

– Так точно!

Резких движений не делал. Замер, когда между ними осталась ровно два шага – полтора метра влажного тумана.

– А это я, – вздохнула Мухоловка. – На моих похоронах вы, лейтенант, кажется, несли венок от министерства? Тяжелый был?

Ответа дожидаться не стала. Подошла ближе, обняла, прижалась щекой к щеке.

– Спасибо, Руди!

– Нет! – парень отшатнулся, мотнул головой. – Вы не

все знаете, Мухоловка... Госпожа Мухоловка! Господин министр Дивич и господин старший референт Домучик не верили, что вы мертвы. И... И они приказали...

Девушка легко рассмеялась.

– Найти и добить? А как иначе? Такая у нас с вами собачья служба, лейтенант. Надеюсь, вы честно меня искали?

Было темно, но улыбку она все-таки разглядела.

– Нет, не искал. Я вас, Мухоловка, выкупил, точнее, обменял. Три параболоида, оборудование для шести шахт. Мы даже договор согласовать успели...

Анна Фогель вспомнила томики в бумажных обложках. Лейтенант Рудольф Кнопка и три параболоида – такое на целый роман потянет. Фантастика? Фантастика! Потом, конечно, станет не до смеха, но сейчас, в короткий миг между Прошлым и Грядущим – почему бы и нет?

– И как вам Капитан Астероид, Руди?

9

...Дорогой светлый плащ поверх крепких плеч, широкополая шляпа чуть набекрень, стойкий запах мужского одеколona, аккуратно подстриженные усы, выразительные темные брови, янтарный мундштук в зубах.

Босс!

Пусть и не главный, всего лишь брат и заместитель. Но главный далеко, в нью-йоркском кабинете при секретарше

и кондиционере, а здесь, во Франции, именно он – король. Джордж Тайбби, ведущий международник «Мэгэзин», любимец женщин и покровитель начинающих репортеров.

– Извини, Кейдж, опоздал. Убалтывал хмыря из Дворца Матиньон, чтобы устроил мне интервью с Леоном Блюмом. Брату зачем-то этот лягушатник понадобился. Не слишком скучал?

Они, считай, друзья – с поправкой на старшего и младшего. Оттого «извини» прозвучало скорее как «хорошо, что о тебе вспомнил». Однако Джордж Тайбби, при всей вальяжности, никогда не позволял себе ни «малыша», ни «юноши». Крис, от природы чуткий, это очень ценил.

Начальство, проявив немалый такт, опоздало ненамного, всего лишь на час с четвертью. Вовремя – мсье Кальмар, разобравшись с зеленым чудовищем в рюмке, отбыл противолодочным зигзагом, и Кейдж, оставшись один за столиком, и в самом деле начал маяться.

– Пошли, Кейдж, пройдемся до отеля. Насиделся я в четырех стенах!

– А не заблудимся?

Тяжелая ладонь упала ему на плечо.

– Заблудимся – и что? Это же Париж, а не Ист-Энд! Хэм прав – праздник, который всегда с тобой!

Крис так не считал, но от спора благоразумно воздержался. Боссу виднее.

Бульвар Сен-Жермен, несмотря на не слишком поздний

час, оказался неожиданно пуст, словно ярко освещенная театральная декорация в ожидании актеров. Огромные особенности, память о блестящей эпохе барона Османа, напоминали долгую череду кораблей, застывших в кильватерном строю.

– Красиво, – понял его босс. – И очень дорого. Тот, кто в свое время вложил сюда деньги, точно не прогадал...

Выкинул окурок, вбил в мундштук новую сигарету.

– Есть разговор, Кейдж, дружище.

Кристофер Жан Грант, репортер еженедельника «Мэгэзин» (спорт, необычайные происшествия и всяческие «тайны минувшего») вновь не стал спорить. Кажется, прогулка будет не просто прогулкой.

Праздник, который всегда с тобой...

* * *

В «Мэгэзин», мечту каждого репортера, он попал через труп. В самом прямом смысле.

– ...А вот и Фрэнки Стэнтон, грубый крутой парень из Бостона. Да, леди и джентльмены, это будет серьезный бой!¹⁵

Переполненный душный зал, густой табачный дух, яркие вспышки фотокамер. Не слишком удачливый репортер Крис Грант решил поискать удачу на полуфинальном матче по боксу. Он – без работы, но репортажи и снимки порой уда-

¹⁵ По мотивам замечательного фильма «Mr. Moto's Gamble», 1938 г.

валось пристраивать.

– А теперь все замрите – идет сам Бифф Моран! Леди и джентльмены, представляю вам чемпиона мира в тяжелом весе. Вот оно, главное событие вечера – пятнадцать раундов настоящего бокса!

Предыдущий поединок был не слишком интересен: новичок из глубинки против опытного громилы. Два раунда – и нокаут. Снять удалось, но едва ли в редакциях на такое клюнут.

– Встречайте!.. Бифф Моран!.. Фрэнки Стэнтон!..

Этот бой – совсем другое дело. Уже орут, уже руками размахивают...

Ой-й!..

Сосед слева – усатый верзила в расстегнутом плаще ненавязчиво въехал локтем прямоком Крису в ухо. Сообразил не сразу, поглядел удивленно. Смутился.

– Прости, парень! Я вообще-то нормальный, но когда бокс, то хоть веревками вяжи!

Кейдж, осознав, попытался податься вправо, но без особого успеха...

– Вперед! Начинайте! Бокс!..

...Следующий пинок, на этот раз в бок, он получил через пару секунд.

– Ну ты, смотри! Парень, с меня виски.

Крис не ответил: ловил в объектив чемпиона. Так и пошло: Бифф Моран мордовал Фрэнки Стэнтон, усач, от

него не слишком отставая, пинал своего соседа.

– Давай! Бей в корпус! Включай левую! В корпус, в корпус!..

За миг до окончания первого раунда с Криса слетела шляпа – удар усача оказался точен.

– О боже! На тебе мою!.. Фрэнки, лупи в корпус!..

Оказывается, драчливый сосед болел вовсе не за чемпиона. Шляпа легла точно Крису на нос. Тот, смирившись с судьбой, сдвинул ее на затылок.

– Бе-е-е-ей!!!

Бифф Моран упал на пробковое покрытие ринга в конце третьего раунда. То, что чемпион мертв, сообразили не сразу, пытались откачать, уложили на носилки...

Свою шляпу Крис нашел – растоптанную в плоский пыльный блин, однако не слишком огорчился. Фотографии удалось на славу, увиденного хватало на целую статью, но даже не это самое главное.

– Ваша шляпа, лейтенант. Нет, компенсации не надо. И виски не надо. А вот скажите...

Драчливый усатый верзила оказался лейтенантом «убойного» отдела нью-йоркской полиции. Пришел поболеть за славного парня Стэнтонна – и, деваться некуда, возглавил предварительное расследование, когда мрачный врач констатировал, что чемпион скончался не просто так. Репортеров отогнали прочь понаехавшие копы, но лейтенант, чуя вину, успел-таки шепнуть Крису несколько слов.

Статья прогремела. Вслед за нею – вторая и третья. Крис, словно клещ, уцепился за нелегальный тотализатор – и очень странные ставки, сделанные накануне матча. Драчливый лейтенант, получивший свое фото на первую обложку, не забывал случайного соседа.

Через неделю Кейджа пригласили в «Мэгэзин». Фотография падающего Биффа Морана слегка не добрала голосов на Пулитцеровскую премию, зато обошла все газеты Большого Яблока.

Кристофер Грант был не прочь и дальше заниматься уголовной хроникой, но ему предложили спорт. Отказываться не стал, хотя тема не слишком увлекала и не радовала. Мертвый Чемпион не отпускал репортера Кейджа.

* * *

– Скоро мы станем родственниками, Кейдж. Для католика это значит очень и очень много. Нам, Тайбби, ты подходишь – и не только потому, что католик, как и мы. Смеяться будешь, но брат нанял специального человечка, чтобы тряхнуть твое белье. И – ничего.

– Он плохо искал, Джордж.

– У каждого – свой скелет в шкафу, главное, чтобы кости не торчали наружу. Ты – незаконнорожденный, либерал, заступаешься за ниггеров и пользуешь девочек по вызову, кстати, очень симпатичных. Чем плохо?

– Незаконнорожденный?! А я думал...

– Да какая разница, Кейдж? Ты – хороший репортер и отличный парень. Но репортер – это мало. Года через два «Мэгэзин» начнет почковаться. Ежемесячные приложения на разные темы, оценил? А поскольку мы – семейная фирма, то первое приложение получит...

– ...Мисс Лорен Бьерк-Грант.

– Да. Но к тому времени уже – миссис Тайбби, достойная и добродетельная супруга моего уважаемого брата. А спортивное приложение – твое, Кейдж. Пока не радуйся, тебя еще следует раскрутить. Не понимаешь? Популярный редактор – популярная личность. Восторженные отзывы от твоих девочек – хорошо, но мало. Поэтому мы с братом решили отправить тебя за славой.

– Джордж, не надо! Пожалуйста! Какой из меня редактор? И славы никакой не хочу!..

– Скоро ты станешь членом нашей семьи, Кейдж. Думай не только о себе. Я, знаешь, с большим удовольствием занимался бы обычной журналистикой, про привидения писал бы, про гаитянских зомби. Любимая, между прочим, тема! Но у всех есть обязанности. Так что готовься.

– А-а... А куда мне ехать, Джордж?

– Как куда? На войну!

Война была в Испании. Начавшаяся как-то внезапно, в разгар горячего июля, она поначалу мало кого интересовала. Журналисты, коллеги Криса, писали о грядущей Олимпиаде, о составе американской команды, о шансах славных парней Джека Уилсона и Луиса Лауриа («Включай левую! В корпус, в корпус!...»). Репортеры-международники, люди обязанные, куда больше вдохновлялись «швейцарским зигзагом», аншлюсом и передвижением войск у германских границ. Вдруг да бабахнет на весь мир? Это – действительно тема. Испания? А что Испания?

– Разборки в цыганском таборе! – резюмировал не кто иной, как сам Джордж Тайбби. – Немытая оперетка, Кейдж! Кому она нужна?

Теперь стало ясно – кому.

О самой войне Крис Грант знал мало, но читанного и слышанного вполне хватало. Анархисты при полном попусе «народного правительства» сжигали живьем священников и насиловали монахинь. Мятежники, позвав на подмогу диких марокканцев, вешали анархистов и бомбили жилые кварталы. Какой-то генерал Санхурхо пообещал спасти Отечество, потом его самолет грохнулся в море, газеты разразились некрологами, но генерал оказался живехонек, был вы-

ловлен, высушен и – и принялся спасать Отечество дальше¹⁶.

Оперетка!

Кейдж, католик, незаконнорожденный, защитник ниггеров и ценитель девочек по вызову, не сочувствовал ни анархистам, ни мятежникам. Чума на оба их дома! А если вспомнить не урезанный вариант, а полный, будет еще точнее:

«Чума на оба ваши дома! Я пропал».

Кристофер Жан Грант, не трус и не герой, не хотел на эту войну. Не хотел! Не хотел!..

Особняки-корабли оцетинились пушками...

10

– Чушь говоришь! – возмутился старший. – И отец, и оба деда, и прадед наш – учителя, просветители, их все в нашей Лужице любили. Ты, Гандрий, хоть в Вендский музей сходи, который в Котбусе. Там вся стена в фотографиях. Наш папа – колдун? И дедушка? Да как ты себе это представляешь?

Капли дождя неотличимы на взгляд. Близнецы – не два человека, а две половинки. Но и половинки иногда спорят, потому что они – разные. Старший – горяч, младший – холоден, Отомар пронизателен, Гандрий – систематичен, один – насквозь, второй – по пунктам.

– Музей в Котбусе фрайкор¹⁷ разгромил, так что смотреть

¹⁶ Не так, как в нашем варианте Истории.

¹⁷ Тем, кто закончил школу после 1991-го. Фрайкор (*нем.* Freikorps – свобод-

уже нечего. И папу, и деда, и всех остальных уважали, но знаться не хотели. Вспомни, Отомар, на праздники наши семейные только свои, родичи, собирались, даже тех, кто рядом жил, не было. А когда мы с тобой в классе решили на разных партах сидеть? Никто ни ко мне, ни к тебе в соседи не захотел. Играли без нас, дрались – тоже. Но и здоровались первыми, потому что родители велели.

– Крабат!.. Кра-абат!..

– Не смейся, брат. Ты теперь – Метеор, сын Небесного камня, победитель Мельника. И никакая физика с математикой, даже высшей, тому не помеха. А я младший, мне просто колдовской крови плеснули, отравили до смерти. Не хочу! Потому и меняю не только фамилию, имя тоже. Хорошим парнем был Гандрий Шадовиц, жаль, прожил мало!

Пустая комната отчего дома. На столе – глиняные поминальные стаканчики, початая бутылка. Билеты до Берлина уже куплены. Прощай, родная Лужица, навсегда прощай!

– Значит... Значит, мы с тобой уже не братья, герр Харальд Пейпер?

– Куда я от тебя денусь, герр Марек Шадов? Мы же с тобой две половинки! Если, конечно, тебе не зазорно иметь в братьях немца.

Налили на доньшко, выпили молча...

– А помнишь, Гандрий, мама пела? «Slodka mladost',

ный корпус, добровольческий корпус) в данном контексте – полувоенные добровольческие формирования правого толка.

zlotyj chas...»

– «Młodost’ – son rosplunje, kaz sneg weschni rozstae...» Не добивай, Отомар, и так жить не хочется.

Тогда, в гулком, брошенном родительском доме, младший наследник славной семьи просветителей Лужицкого края, потомственный колдун Гандрий Шадовиц в последний раз заплакал. Харальд Пейпер, «старый боец» с золотым партийным значком, плакать не умел. Слыл человеком холодным, расчетливым, даже бездушным.

– Меньше бы тебе цинизма, Харальд! – упрекали его партайгеноссен.

– Еще меньше? – удивлялся он.

* * *

Чужой, с мертвеца, пистолет брать не стал, побрезговал. Зато воспользовался чистым носовым платком, наскоро убрав кровавые потеки со стекла. Деньги... Бронзовый служебный жетон с орлом на аверсе и четырьмя цифрами на обратной стороне... Сигареты «Ramses» – початая пачка и еще одна, целая... Золотая (ого!) зажигалка...

Немного с тебя прибыли, сын юриста!

Осталось одно – попрощаться с сослуживцем перед тем, как открыть дверцу и вытолкнуть труп на пыльную обочину. Проводить, напутствовать, иначе не по-людски выйдет. Какие бы слова найти, чтобы от души, от чистого сердца?

Слаб немецкий язык. Помогай, velikij, moguchij, pravdivyj i svobodnyj!

– Idi, s-suka!..¹⁸

Прежде чем жить дальше, Харальд Пейпер закрыл глаза, проверяя Судьбу. Темно! Просто темно, страшная зелень исчезла без следа, мир вновь стал правильным, предсказуемым и логичным. Сын колдуна, улыбнувшись по-волчьи, в полный оскал, повел плечами, сбрасывая усталость. Теперь – последнее, перед тем как завести мотор и уехать в неизвестность.

Из машины выбрался через правую дверцу, чтобы не топтаться по мертвому телу. На шоссе пусто, а если кто увидит, остановится – не беда. Бронзовый жетон СД под нос – и пулю промеж глаз. Меньше цинизма, говорите?

Задняя дверца...

Девушка сидела недвижно, подбородок вниз, глаза закрыты. Да и какой смысл дергаться, если на запястьях – сталь наручников, а на губах и лодыжках – изолента в три слоя? Хуппенкотен расстарался, упаковал на славу. Вот и пусть лежат рядом! Стандартная процедура требовала оттащить фигуранта подальше, чтобы с дороги не увидели, но гауптштурмфюрер СС (бывший? пожалуй, да!) решил оставить визитную карточку.

Любуйся, К-козел!

¹⁸ Автор с огромным удовольствием отправляет Вальтера Хуппенкотена досрочно в Ад.

О той, которую они с Хуппенкотеном сняли с поезда, Харальд ничего не знал, лишь фамилию и приметы. Девятнадцать лет, волосы светлые, глаза голубые, черты лица – мелкие, нос – пуговка, узкие губы...

– Прошу пройти с нами, фройляйн! Ничего страшного, обычная проверка. Ваш чемодан мы возьмем, не волнуйтесь. ... Чемодан в багажнике. Выкинуть!

Она открыла глаза, когда рука в перчатке коснулась плеча. Харальд, этого ждавший, поспешил улыбнуться:

Dunja, ljublju tvoi bliny,
Dunja, tvoi bliny vkusny...

Пусть умрет с надеждой! Оставлять нельзя – свидетель. Девчонка совсем.

...Светловолосая, как и его дочь, его маленький Одуванчик.

Не убежит, не спрячется.

Наклонился, чтобы взяться поудобнее за плечи, встретил-ся взглядом. Успел удивиться: глаза, если верить списку примет, голубые – утреннее небо...

Dunja, davaj blinov s ognja,
Dunja, celuj sil'nej menja!

...Боль была зеленой. И Смерть была зеленой – его, Гандрия Шадовица, Смерть. Напрасно он радовался!

Но почему?!

* * *

Последний кусок изоленды она сняла сама, очень осторожно, пытаясь не морщиться. Резко выдохнула – и внезапно улыбнулась окровавленными губами:

– Спасибо! А знаете, я почти не боялась. Я же вас сразу узнала, герр Шадов!

«Куда я от тебя денусь, герр Марек Шадов? Мы же с тобой две половинки!»

Глава 2

Дорога Грааля

Пока не закончилась суббота. – Великолепная Лорен и пиджак. – Наследство. – Быстроногий Кай. – Победивший Север. – Допрос. – На борту корабля. – Вокзал д’Орсе. – Колдовство. – «На земле Грааля».

1

– Гитлер непобедим, – невесело усмехнулся Станислас Дивич, допивая коньяк. – Пока не закончилась суббота.

Анна пить не спешила. Эрц любил играть с ней в загадки, особенно под хорошее настроение. Например, сейчас. Почему бы и нет? Вечер, в камине горит огонь, а завтра долгое-долгое воскресенье, чистый выходной.

...Но суббота пока не закончилась.

На министре – роскошный персидский халат с огненными многоцветными разводами, на ней тоже, шелковый, белые ирисы на темно-синем. Не с иных плеч – купил специально для нее. Пусть и в чужой квартире, но не в чужом.

Прежде чем подумать о загадке, Мухоловка вновь, в который раз, посетовала на судьбу. Эрц – нормальный симпатичный мужчина, захотела – уже развелся бы ради нее со своей

законной. Предлагал, и не раз! А она? Только и может – закусывать губы, пытаясь не кричать от ужаса. И глаза плотнее закрывать, чтобы взгляды не встретились.

Проклята... Ладно! Думаем!.. Значит, суббота?

Отхлебнула из рюмки, слегка нахмурилась, вспоминая давно читанные слова:

– «Когда же вырастет твой слуга и станет ростом со взрослого, будет он делать для тебя, что требуется, и на все способным окажется...»

Угадала?

– «...Если же хочешь сотворить сторожа, невидимого для злодеев, надень на шею слуге своему ладанку с известным тебе Именем. Но не забывай вовремя вынуть изо рта создания этого пластинку “шем”». Правильно, Эрц?

Станислас Дивич поставил рюмку на стол, поглядел в глаза.

– Я никому тебя не отдам, Анна. Умница! Да, именно так. «Но не забывай вовремя вынуть изо рта создания этого пластинку “шем”, ибо в ночь с пятницы на субботу сила того, кто слеплен из глины, возрастает неимоверно». Гитлер – голем, и ночь уже наступила. Те, кто его создал, – настоящие мастера. Голема не сокрушить в прямом бою.

Горел камин, коньяк был превосходен, а впереди – целое воскресенье...

Но суббота еще не кончилась.

– Выходит... Наша страна обречена, Эрц? Мы можем тя-

нать время, балансировать между Бесноватым и Дуче, искать контакты со Сталиным, но это лишь отдалит неизбежное. Голема не остановить.

Станислас Дивич не ответил. Загадка еще не решена.

– Нас оккупируют. Что дальше? Подполье, настоящее, боеспособное, создать невозможно, мы уже это просчитали. Значит... Если нет подполья, если мы не сможем бороться в самой стране, надо создать легенду, миф о нашей борьбе! Нужны герои, нужны подвиги. А когда пластинку «шем» выдернут у Бесноватого изо рта...

– Золотую, – негромко уточнил министр. – Цифры по американским кредитам ты видела. Если отрубить финансовые линии, взбесится, мерзавец, сразу!

– Да. Тогда – Армагеддон. Планета Аргентина падает на Европу, и живые начинают завидовать мертвым. Но у нас уже есть правительство в изгнании, лидеры, мученики, герои, маленькая армия на одном из фронтов... И знамя, которое мы поднимем над Президентским дворцом, когда Гитлер начнет подыхать! Правильно?

Эрц медленно встал, подошел, наклонился. На ее плечи легли тяжелые ладони.

– И это знамя поднимешь ты, Анна.

Мудрый Эрц не учел одного. Она, секретный агент Мухоловка, такой же голем, слепленный из мертвых тел расстрельной ямы. Может, оно и к лучшему. Големы не чувствуют боль.

– Да какое там! – невесело рассмеялся Руди, переключая фары на дальний свет. – Меня сразу со службы выгнали, я же для них – мишлинге, недочеловек. Хорошо, уехать успел – и родственников переправил. Ничего, у дяди – фирма по торговле автомобилями в Париже, сейчас там кручусь. Авто оценили? «Nervastella», восемь цилиндров, каждый – пять тысяч «кубиков»!..

Туман начал отступать, редеть, но ехать все равно приходилось почти на ощупь. Оно и к лучшему, никто их в Гавре не заметит. Пять тысяч «кубиков» – хорошо, а то, что ее встретил Руди, – вообще идеально. Парня невозможно перевербовать. Согласится, все подпишет – и тут же прибежит каяться. Проверено!

Но это Руди...

– С Шарлем – что?

Лейтенант Кнопка ничуть не удивился.

– Ничего. То есть все в полном порядке. Его, когда все закрутилось, наци арестовали, но скоро выпустили. Вы же знаете, Мухоловка, кто у Шарля родичи! Сейчас господин Домучик здесь, во Франции. наших тут вообще полно, хоть армию создавай.

Анна кивнула, не став комментировать. Туман, туман... Вроде бы остался позади, но вот снова – белая пелена сте-

ной. Арестовали, выпустили – так и внедряют агента. Никакую армию из беглецов не создать. Считай, половина – засланные, у остальных же страх ночным туманом в глазах.

А дома, на покинутой Родине – выжженная пустыня. Тот, кто поумнее – бежал, кто посмелее – арестован, остальных держат на поводке. Каждый первый пишет донос на каждого второго. Какое уж тут подполье?

Стоп! Но ведь и немцы так думают!..

2

Мужчина в семейных трусах в природе невозможен, как ноги средневековой королевы. Он существует лишь на киноэкране, в комедиях, однако не всякий. Герою в трусах не быть, лишь персонажу второго плана, дежурному получателю пинков в зад.

– Минуточку-у-у!

На двери номера, под бронзовой начищенной до блеска ручкой – табличка «Ne pas déranger!». Она остановит всякого, ищущего общения с постояльцем знаменитого парижского «Гранд-отеля», что на Рю Скриб, рядом с Оперой. Всякого, только не...

– Сколько тебя ждать, Крис? Копаешься, копаешься!..

...Великолепную Лорен Бьерк-Грант, мисс Репортаж.

– Так еще же полчаса, Лорен!..

Успел! Пусть пуговица не застегнута, и ноги – босиком, и

выше пояса только майка. Зато брюки на месте.

Уф! Фу!..

Мисс Бьерк-Грант изволила бросить взгляд на стенные часы в деревянной полированной раме. В сторону Кейджа даже не посмотрела.

– Тем лучше, надо кое-что тебе рассказать, малыш.

Кристофер Жан Грант сглотнул. Увы, не отучишь! Проси, не проси, а все равно «малыш», и то под хорошее настроение. Под плохое же... Нет, лучше не вспоминать! И не спорить. Кто он – и кто она? Репортеришка в семейных трусах – и великая, знаменитая, Пулитцером увенчанная...

...В широких белых брюках (клевш от колена), коротком розовом пиджаке с огромными, в кулак, пуговицами. Тяжелые бусы – темное золото – на крепкой шее, серый плоский берет набекрень, словно приклеен к виску. Мужские массивные часы на запястье, черный циферблат, золотой браслет.

Духи... Чихнул бы, да неловко.

Крису в очередной раз подумалось, что будущая (о-о-ой!) родственница одевается, словно манекен в витрине на 6-й авеню, чтобы на лицо меньше смотрели. И вправду, косметики, считай, и нет, разве что брови подведены черным. А ниже бровей...

– Садись!

Узкие, резко очерченные губы нетерпеливо дернулись, и Кейдж устыдился. Не в красоте сила, он и сам – не Аполлон. Зато Лорен – звезда. К сиянию не присматриваются, им вос-

хищаются.

Сел на край не застланной кровати, руки на коленях, подбородок слегка вверх.

Тук! Бряк!

Стул великолепная Лорен двигать не стала, подняла одной рукой да бросила. Умопившись, достала из сумки сигареты – синий «Gauloises» с белым орлом. Закурила. И лишь после всего поглядела на ожидавшего своей участи «малыша».

– Ты что, Крис, вчера пил? Опять? Ну что мне с тобой делать? Учти, Камилла не переносит пьяных.

Кейдж и не думал спорить. Все верно, мисс Младшая Сестра пьяных не переносит. Всех прочих, кстати, тоже не очень, что, надо сказать, полностью взаимно.

– Еще раз замечу – рассержусь. По-настоящему, Крис, понял?

Кейдж не хотел, но вздрогнул.

– А пока – слушай. Босс прислал из Нью-Йорка телеграмму...

* * *

Звезда Лорен Бьерк-Грант взошла три года назад, после леденящего душу репортажа из затопленного тоннеля строящейся линии метро. Отважная журналистка не просто запечатлела бедствие, но, не жалея сил, кинулась защищать стар-

шего смены, которого хотели назначить крайним и отправить под суд. Месяц борьбы, статья за статьей – и справедливость восторжествовала. Фотография на первой полосе, прямо под заголовком: Лорен в строительной каске и комбинезоне в обнимку со спасенным героем¹⁹.

Знающие люди шептались, что старшей смены конечно же виноват, но публике более по душе злодеи в дорогих костюмах. К тому же мэр как раз начал очередной тур борьбы с коррупцией... Зато какие репортажи! Высокий класс, блестящая работа!..

Лорен прыгала с парашютом. Лорен замерзала во льдах. Лорен лично схватила за шкурку маньяка по кличке Острые Ножницы. Сомневаетесь? Но разве можно не верить журналу «Мэгэзин»?

– ...Во Франции остаются трое: мы с Джорджи и ты, Крис. У Джорджи работа в Париже, а мы с тобой – на юг, поближе к испанской границе. Там ждем команды. Осознал?

Взгляд маленьких, в цвет бровей, глаз заставил Кейджа поежиться. Осознал. Даже прочувствовал.

– Сколько нам ждать, не знаю. Думаю, дней десять, не меньше. Поэтому не будем бездельничать, готовим материал. Босс велел: никакой политики и вообще ничего «актуального». И без негатива, такого и дома хватает. Что-нибудь интересное, увлекательное, в общем, семейное чтение.

¹⁹ Образ Лорен Бьерк-Грант (и, отчасти, ее коллег) взят из художественного фильма «No Time for Love» (1943 г.).

Крис напрягся. Этого нельзя, того тоже...

– Может, про виноградники? Там, на юге, лучшие сорта...

Ее взгляд рассек фразу пополам.

– Спятил? «Мэгэзин» всегда боролся за трезвость. Треть наших читателей – домохозяйки! Не мучайся, Крис, я все уже решила.

У Кейджа хватило смелости пожать плечами. Кто бы сомневался?

– Ты про Грааль слышал? Нет? Ну, фильм еще был...

– «Капитан Огонь и Святой Грааль». Ларс Хэнсон и Ли-лиан Гиш. Я еще рецензию хотел писать. Не стал, так себе зрелище.

Великая Лорен улыбнулась – впервые за весь разговор.

– Умница! Вот мы его и найдем, малыш. Нет, не фильм. Грааль!

* * *

В огромном холле «Гранд-отеля» кружил вечный людской водоворот – встреч, расставаний, радостей и печалей. Кейдж, и без того не великан, потерялся сразу, но не пропал – юркой рыбкой скользнув к пустому кожаному дивану у стены, плюхнулся, выдохнул, прикрыл глаза. Здесь, в маленьком персональном омуте, было спокойнее, чем в номере. По крайней мере, сразу не найдут.

Глаза открыл, окинул взглядом холл-океан, достал из кар-

мана томик-покет в мягкой обложке.

«Там все понятно, малыш. Если что, в конце книги есть словарик».

Угу...

Бегло перелистав, закрыл, покосился на обложку. «Библиотека американского туриста» – вверху, красными буквами. В центре же, синим с переливами: «Весь Святой Грааль за один час!» Томик читанный, чей-то карандаш, как Крис уже успел заметить, отчеркнул последний раздел оглавления: «Поиски Грааля. Рекомендованные маршруты выходного дня».

– И кто я после этого? – без всякой нужды спросил репортер «Мэгэзин». Подумав немного, сам себе и ответил, причем в полный голос:

– И-ди-от! Полный идиот! Я – полный идиот!

Крик утонул без следа в гуле водоворота. Однако ответ все же пришел, причем по-английски, но с заметным немецким акцентом.

– Вы не идиот. Вам просто пиджак перешить нужно.

Голос был женский. Иной бы, может, и растерялся, но репортерский навык не подвел. Крис встал, одернул горе-пиджак...

...Белый огонь колье на высокой шее, длинное бежевое платье, поверх перчатки – тяжелый перстень-саркофаг, бездонные светлые глаза.

– Не поможет, майне фрау! Мне заказали идиотскую ра-

боту. Ее невозможно сделать хорошо.

Ответил по-немецки, тоже, понятно, с акцентом. Женщина внезапно улыбнулась.

– А вы – сделайте!

Протянула руку, пожала крепко:

– Удачи! А пиджак отдайте в здешнюю мастерскую. Там очень прилично шьют.

Щелкнула замком сумочки, достала визитку...

* * *

– Н-ничего себе! – гулко сглотнул Джордж Тайбби, разглядывая глянцевую карточку. – О чем вы с ней говорили, Кейдж?

– О моем пиджаке.

Босс, мужчина опытный и глазастый, отыскал Крису с первого взгляда – и даже успел заметить отбытие дамы.

– О пиджаке?! – Джордж помотал головой. – Это же сама Ильза Веспер! Это же «Структура»!..

Схватил за плечо, тряхнул от души.

– Ильза Веспер. Просто взяла – и подошла? Фантастика! Она же репортеров на порог не пускает! Вот что, Кейдж, бросай все, оставайся со мной в Париже...

Крис, поглядев на беспокойную толпу в холле, рассудил, что «рекомендованные маршруты» – еще не худший вариант.

– Я не против, Джордж. Она красивая, я обязательно влюблюсь. Буду покупать цветы, играть для нее джаз...

Рука отдернулась. Босс взглянул с подозрением.

– А ты можешь... Эх, попытаюсь сам к ней подкатиться. О, придумал! С твоего пиджака и начнем. Отдадим в мастерскую, остальное – уже мое дело.

Помолчал, сжал крепкий кулак. Разжал...

– Верно, Кейдж. Не стоит тебе рисковать. Камилла – де-вушка, конечно, хорошая...

О-о-ой!

Боссова длань легла на загривок, сжала, развернула.

Глаза в глаза.

– Мы теперь – семья, Кристофер. Поэтому слушай! Джеймс – мой старший брат, как он сказал, так и будет. Решил жениться на Лорен – значит, женится. А мой долг – сделать так, чтобы на его репутации не было и пятнышка. Мы, Тайбби, вроде жены долбаного Цезаря – выше подозрений! Понял?

Крис взглянул сочувственно:

– А с незаконнорожденными у вас как?

Пальцы на загривке налились свинцом.

– Не дури, парень! И не делай вид, будто фишки не просекаешь. Или я тебя, Кейдж, не знаю? Ты южанин, дикси, твое слово – железо, ты в Бога веришь. А Лорен... Она – еврейка, слышал? Да, крещенная, протестантка, но кровь не спрячешь. Ей уже тридцать, нагулялась по самое не могу. И – хва-

тит! Помолвка – это святое, она слово дала брату перед Господом нашим. И если я узнаю...

Пальцы разжались. Босс отвернулся, дернул крепкими плечами.

– Я не прошу тебя, Кейдж, шпионить. Но меня не будет, значит, старший – ты. А если что, имей в виду, мы ее не просто выгоним. Я лично кнут возьму.

Крис решил, что ослышался. Толпа, шум... Мало ли что почудится?

– Мы же из Алабамы, Кейдж, – Джордж, младший брат, негромко рассмеялся. – Из самого Сердца Юга. В общем, учти – и реагируй. А насчет задания – не бери в голову. Мне ли тебя учить? Никому этот Грааль не нужен. Сделаешь три-четыре материала про то, как вы по пещерам ползали и землю носом рыли. Последний назовешь: «Нашли» – и добавишь вопросительный знак... Ладно, Кейдж, пойду делами заниматься. А ты – снимай пиджак!

Босс отбыл, оставив Криса в одной рубашке, грустного и совершенно несчастного. Плохо было все, но что-то в услышанном и увиденном задело особо. Прокрутив пленку-память, репортер рассудил: Грааль. Выходит, Он никому не нужен?!

То есть как – не нужен?

Кофе вкупе со старинной кофемолкой и медной джезвой нашелся в маленьком стенном шкафчике на второй сверху полке – именно там, где он хранил кофе сам. И кухня почти один в один, новая газовая плита с тремя конфорками фирмы *Seppelfricke*, легкие стулья светлого дерева, раскладной стол, покрытый зеленым пластиком. Харальд Пейпер, невесело усмехнувшись, вдохнул поглубже. Кажется, еще и запах остался – от кофе, что готовил брат по старинному семейному рецепту.

«...Наш предок – полковник австрийской армии, командир полка кроатов. По легенде, он дружил с Георгием Кульчицким, героем битвы под Веной...»

Гауптштурмфюрер СС (то ли бывший, то ли нет) приказал себе не раскисать. Кофе – это вам не похлебка для свиней, ариец Пейпер! *Jasno, nemachki? Rad, Vozhe ne zaboravi!*²⁰

Джезва уже была прогрета, когда дверь ванной (по коридору – вторая налево) приоткрылась, и оттуда выглянуло чудо в махровом халате. Моргнуло.

– Я уже, герр... Ой, простите, Харальд! А ничего, что мы с вами здесь хозяйничаем?

Он уже был готов сказать чистую правду: не так уж и хо-

²⁰ Ясно, немчура? Работай, Бога не забывай! (*сербск.*)

зьяйничаем, да и брат разрешил, даже ключи дал. Но внезапно вспомнилось...

Boha Chorneho,
stare kralestwo
rapak netko wobydli...

«Бога Черного, царства древнего позабыт алтарь» – написал когда-то его предок и тезка, великий сорбский просветитель Гандрий Зейлер. Лишних слов в гимне не бывает. Алтарь же Черного бога – zeleni.

Зеленый!

Сын колдуна шагнул к той, которой не позволил умереть, осторожно взял за плечи, поглядел в светлые, словно утреннее небо, глаза. Так может, не Starica sa kosom раз за разом подает ему знак, заливая мир зеленым огнем? Именно Черному богу служил Мельник, побежденный Крабатом.

Выходит, каждому – свое наследство? Старшему, сыну Небесного Камня – мир горный, высший. Но и младшего не обделили.

– С лицом у вас, Ингрид, все в порядке, – улыбнулся он, думая совсем о другом. – Только губы немного кровят, смазать надо.

...Они курили, сидя прямо на холодной траве. В салоне «мерседеса» пахло порохом и кровью... Вокруг плескалась ночь, вдалеке, по оставшемуся позади шоссе, время от времени с негромким шумом проносились машины, а здесь был лес, узкая просека – и тишина.

– ...Такие вот дела, фройляйн фон Ашберг, – подытожил Харальд, глядя в черное осеннее небо. – Постарайтесь понять: мы оба сейчас – вне закона. Для начала вот что... Никогда больше не упоминайте фамилию «Шадов»! Брата называйте просто Марек, он не обидится. И еще. Меня и вас могут арестовать. На допросах в «стапо» не молчат, поэтому ничего – слышите, ничего лишнего! – мне пока не рассказывайте. И не обижайтесь, если я тоже промолчу.

Девушка осторожно поднесла сигарету к окровавленным губам.

– Сама себе удивляюсь. Мне, наверно, положено плакать, в истерике биться. Или это шок, и меня потом накроет? Я все понимаю, герр Пейпер. Как это правильно называется? Версия? У меня их целых две – отчего меня решили убить. Но, вы правы, промолчу. И... Неужели это действительно не вы, Марек? Лицо, голос, даже тон... Какая-то сказка!

Разведчик Пейпер не без сожаления подумал об упущенной возможности – ничего не объясняя, просто выдать себя

за брата. Нельзя! Если догадается – больше не поверит.

Улыбнулся, руку протянул.

– Харальд.

– Ингрид.

* * *

Теперь все позади. Черный Mercedes-Benz 260 D брошен около Потсдамского вокзала. Южное направление. Ищи беглецов, К-козел, в Остмарке и на итальянской границе! О квартире же Харальд побеспокоился заранее, словно чувал. Всем удобна! Снята не разыскиваемым врагом Рейха Шадовым, а мало кому известной фрау Веспер. Ее муж, разъездной торговый агент, вернулся из очередной командировки. Кто может заподозрить? Привратник внизу – и соседи по лестничной площадке. И это решено: улыбка, бронзовый жетон СД, а для верности – подписка на служебном бланке. Специальная операция, уважаемые господа! Просим содействовать – и не мешать.

– Какой кофе! – восхитилась Ингрид фон Ашберг. – Говорите, семейный рецепт?

Потомок австрийского полковника развел руками.

– У брата получается лучше... Кстати, если захотите передать ему привет, это можно организовать, хотя и не сразу. А теперь вот о чем, Ингрид... Я знаю вашу фамилию, значит, в любом случае ваша биография – не тайна. Поэтому

свои версии придержите, но расскажите о себе все, что считаете возможным, причем с самого-самого детства. И очень подробно.

Баронесса поставила чашку на блюдце, поморщилась.

– С самого-самого? Это очень-очень скучно. Но спорить не буду. Слушайте!..

4

«Где умный человек прячет лист?» – спросил как-то Гилберт Кит Честертон, сам слывший мудрецом. – «В лесу».

Секретный агент Мухоловка так не считала. Подумаешь, в лесу! Лес разбить на квадраты и отправить на поиски батальон, пообещав всем внеочередное увольнение, а тому, кто найдет, – месячный пропуск в бордель. Заодно и поискать того, кто прятал. Вдруг еще помнит место?

Нет, не служить Честертону в разведке!

Прятать лист следует на городской свалке, где всего помногу. А вокруг расставить несколько противопехотных мин, чтобы месяц подойти боялись, а потом искали не спеша и без малейшего вдохновения.

То, что гражданка США Анна Фогель, член Национального Комитета, прибыла в Париж, от немцев не скроешь. Значит, надо спрятаться так, чтобы не отыскали. Весь Париж – большая свалка, осталось найти место.

Анна, поставив чемодан на вымощенный древней плит-

кой тротуар, смахнула пот со лба. Тяжко! Десять шагов – и приходится отдыхать. Такси она отпустила за два квартала, с Руди же рассталась еще ранним утром, на площади возле Gare du Nord, где даже в такой час людно. Ни к чему вводить парня в искушение!

Все правильно, только тело не слушается, отзываясь на каждое движение болью. Ничего, уже немного! Девушка взялась за ручку неподъемного чемодана, сделала шаг, другой, третий... Есть! Все, как ей рассказывали: арка, похожая на ворота средневекового замка, за ней – большой двор квадратом, а вот и платан – рядом с двухэтажным флигелем.

Пришла! Почти.

Искать ее обязательно станут, причем наверняка не только немцы. Но где? Ясное дело, среди эмигрантов. Не сегодня-завтра бедного Руди возьмут в оборот, тряхнут, как следует. Он в очередной раз во всем сознается...

Двор был пуст. Из окна к окну тянулись бельевые веревки, возле одного из подъездов скучал накрытый серым чехлом громоздкий автомобиль, где-то вдалеке, на грани слышимости, играл аккордеон, а в чистом осеннем небе чертила круги одинокая черная птица.

Монмартр. Ветхое сердце Парижа.

* * *

Поездка готовилась в спешке, но Анне повезло. После ее

первого выступления на радио («Сыпьте песок в подшипники!») очень многие, особенно из числа эмигрантов, захотели встретиться. Мухоловка постаралась увидеться с каждым – и не прогадала. Ей дали денег, причем не так и мало, главное же – наметились полезные знакомства.

Джозеф Зутин, владелец крупного нью-йоркского ресторана, являлся одним из руководителей Еврейского антифашистского конгресса. Брат же его, известный художник Хаим Сутин, жил и работал в Париже. По мнению ресторатора, Хаим был напрочь неспособен к нелегальной работе – зато хорошо знал другого художника, своего земляка Марка Шагала.

В очередной раз девушка остановилась возле спрятанного под чехлом автомобиля. Перевела дух, заодно попытавшись угадать модель. Что-то явно французское, но не «рено», не «ситроен»...

– «Lorraine Dietrich 2 °CV», модель 1932 года, – по-немецки подсказали сзади.

Анна обернулась, дабы увидеть наглого вида малявку в сером брючном костюмчике и сером же, в цвет глаз, берете. Малявка, позволив себя рассмотреть, еле заметно кивнула, после чего отступила на шаг и внезапно завопила на вполне приличном французском:

– Ой, тетя! Ой, вам же тяжело! У вас же ножка болит! Ой, я вам сейчас помогу, помогу!

Подскочив, вцепилась в желтый чемодан, оглянулась

быстро.

– Пароль: «Я от герра Шагала». Правильно?

И снова по-немецки. Секретный агент Мухоловка, ситуацию оценив, кивнула в ответ:

– Grazie, ragazza! Io stesso.

Попыталась отобрать чемодан. Тщетно! Что не так?

– E non si sa dove si trova l'appartamento in affitto?

Угадала! Малявка, забыв о чемодане, радостно проорала на весь двор:

– Так вы квартиру ищите, тетя? А вы заходите к нам, у нас комната свободна!

Обернулась к дальним окнам, махнула ручонкой:

– Papa! Papa! Ik huurder gevonden!..

Оставалось восхититься, понятно, шепотом.

– Молодец! А на каком это ты?

Девочка взглянула строго:

– На голландском. Разве вам не сказали?

Не сказали. Марк Шагал лишь назвал адрес, уверив, что человек там живет надежный, надежнее не бывает.

– Going!

Прозвучало от дальнего подъезда. Крепкий, спортивного типа парень ее лет, светлый костюм, белая рубашка с расстегнутым воротом... Малявка улыбнулась:

– Папа! Подпольная кличка – Кай. Он скромный, поэтому сама скажу. Кай – настоящий герой, только никогда не признается. А еще он фокусы умеет показывать.

Где надо прятать лист? Анну Фогель станут искать среди беглецов-эмигрантов, не забудут и работников бывшего посольства, подключат всезнающих репортеров. Но кто обратит внимание на художницу-итальянку, скромную пчелу в переполненном улье многонациональной парижской богемы?

Парень в светлом костюме не подошел, почти подбежал, и Анна невольно позавидовала. Проклятая клюка! Ничего, через полгода устроим с этим быстроногим бег наперегонки.

– Goedemiddag! – улыбнулся быстроногий с подпольной кличкой Кай. – Jorrit Mark Alderweireld, tot uw dienst!

И как ответить?

– Ciao, signore! I – l'artista, è venuto a Parigi per lavorare. Mi chiamo Anna...²¹

Фамилию секретный агент Мухоловка придумать не успела.

5

За дверью Кейджа встретил густой храп – гулкий, басовитый, переливчатый. Вначале – легкое сипение, словно шину

²¹ Здесь и далее персонажи пытаются говорить «на голландском» (на нидерландском языке), но будут делать это с ошибками (в данном случае «Going!» – «Иду!», что допустимо.). Реплики на итальянском языке (здесь и ниже) оставлены без перевода, как вполне понятные по смыслу. Героиня пытается сказать, что она – художница по имени Анна, которая приехала в Париж, чтобы работать.

прокололи, затем – короткий миг молчания и, как из пушки:

– Хр-хр-хр! Хры-хры-хры! Хра-а! Хро-о-о-о! Ах-р-р-р!..

Кто иной, менее привычный к репортерской жизни, испугался бы или, по крайней мере, нешуточно удивился. Уж не сказочный ли монстр забрался в трехкомнатный «люкс» мисс Лорен Бьерк-Грант?

– Хро-хро-хро-о-о-о! Хру! Хру-у-у!..

Кристофер Жан Грант удивляться не стал. Понятное дело, Монстр. Хоть и отнюдь не сказочный.

– Хр-хр-хр! Ах-р-р!.. Хра-а!

У мисс Репортаж недостатков хватало с избытком, и Крис мог лишь подивиться смелости своего нью-йоркского шефа, решившегося шагнуть с такой под венец. Однако Лорен, и этого у нее не отнять, была журналисткой настоящих чистых кровей. Если дело, то все прочее побоку. Что за беда – на стук в дверь не отвечают? Надо – входи.

Кейдж решил – и перешагнул порог.

Монстр обнаружился на диване – огромный, похожий на плохо отесанную глыбу, зачем-то втиснутую в дорогой серый в клетку костюм. Квадратная голова (стрижка «ежик», нос-картошка) свесилась на плечо, ноги в грубых ковбойских сапогах попирали персидский ковер.

– Хр! Хр-р-р? Хры-хры-ы!..

Левое веко Монстра на короткий миг приоткрылось, фиксируя гостя. Кейдж, к этому привычный, махнул рукой.

– Привет, Джо! Лорен здесь?

– Хро-о-о! Хра-а!

Значит, здесь. Кейдж поправил рубашку, думая, с чего лучше начать. Пункт первый, пункт второй.

– Проходи, Крис!

Хозяйка номера обозначилась в дверях, ведущих налево, напрямиком в спальню. Тоже без пиджака, в мягких тапочках и с сигаретой в зубах. В приличном нью-йоркском обществе, где следовали традициям долбаного Цезаря, вся эта сцена вызвала бы нешуточный шок, но...

Работа!

Кейдж прошел в спальню, удостоившись финального «Хро-хро-хро!» уже в спину, и был усажен прямо на дорогое постельное покрывало. Далее должно последовать нетерпеливое «Ну?», однако репортер успел первым.

– Лорен! Мне кажется, Джордж влип, причем по-крупному...

Коллеги называли Кейджа «луизианским хорьком». За глаза, ибо рисковали получить прямой в нос, причем вне зависимости от собственного роста и веса.

– Не за «хорька», – пояснял Крис после очередной драки, прикладывая примочку к синяку. – А за «луизианского». Сами-то! Паршивые янки!

Прозвище, однако, появилось не зря – репортер Грант был цепок, острозуб и пронырлив. «Ильза Веспер! Неужели не знаешь?» Значит, надо узнать! Тем более, коллег-журналистов в утробе «Гранд-отеля» побольше, чем хорьков в норе.

– Это даже не чикагская мафия, Лорен. Парни из Парижа давно закаялись и близко подходить к «Структуре». Веспер торговала оружием в Китае, а ее босса, О’Хару, в двух штатах ждет стул. Тот самый – переменный ток с напряжением порядка 2700 вольт. Теперь он и отсюда свалил, а Веспер всеми делами ворочает.

– Ох, ты-ы!..

В глазах Мисс Репортаж вспыхнуло черное тяжелое пламя.

– Какая тема, Крис! Молодец, Джорджи!..

– Но...

Пламя обратилось льдом, тоже черным.

– Не лезь не в свое дело, Крис. Джорджи – взрослый мальчик, и не на таких матчах ставки делал. А ты с ней о фасоне пиджака беседовал? Учить тебя и учить еще, малыш.

Кейдж так не думал. У хорька – превосходный нюх. А вся эта история пахла ничуть не лучшедохлой лошади в июльскую жару.

– Но если хочешь, я с ним поговорю. Доволен? А теперь о деле. Книжку прочитал?

Кейдж обреченно вздохнул. Ладно, пункт второй...

– Прочитать не успел. Просмотрел. Но, Лорен, это же несерьезно!..

Мисс Бьерк-Грант слушала, не перебивая, но глядела так, что слова примерзали к языку. Наконец вздохнула.

– Крис! Представь, что тебе нужно сделать материал об искусственном осеменении коров в Теннесси. С чего начнешь?

– С «Американы», которая у нас в большом шкафу. А потом найду специалиста, чтобы все объяснил.

Крепкие, не оторвать, пальцы взяли Криса за ухо.

...Ой-й-й!

– Именно. Ты что, малыш, воспитывать меня вздумал? Курс юного репортера преподавать?

...Ай-й!

– С нами поедет один ученый хмырь. Он, Крис, знает про Грааль все – и даже немножко больше. Репортажи для тупых домохозяек я делать не собираюсь. Поищем без дураков! Этот хмырь уверен, что знает место, у него только с деньгами плохо. Осознал?

Если бы не пальцы на ухе, Кейдж напомнил бы Великой Лорен, что в каждом штате за вполне разумную сумму можно приобрести карту с большим черным крестом посередине – о чем ясно и доступно написал их коллега Уильям Сидни Портер, более известный под псевдонимом О. Генри. Кладискательство, как точная наука! Дураки, верно заметил мистер Портер, бывают разные...²²

Промолчал, и не только из-за уха. Задание было глупым,

²² О Генри. «Клад».

по-хорошему его не выполнить.

«А вы – сделайте!»

– Ладно! Поработаем.

Лорен Бьерк-Грант одарила «малыша» одобрительной улыбкой, но ухо так и не отпустила.

– А скажи-ка мне, Крис, дружок, когда ты последний раз Камилле писал?

Ох-х-х!

– Ахр-хр-хр-хр! – отозвались из-за двери.

* * *

В дни его счастливого палеолита на земле Пеликанов, когда грозы гремели на все небо, а на правом плече не сходил синяк от резкой отдачи «Винчестера» («Не бери в голову, Крис, бери на ярд ниже!») одним из немногих развлечений в их маленьком Сен-Пьере был кинематограф. «Передвижка» на неуклюжем «фордовском» грузовичке прикатывала раз в неделю, чередуя субботы и среды. Сеансы устраивали в церкви, растягивая перед алтарем большое белое полотно. «Прест» (он же «курэ») не возражал, хотя честно признался во время службы, что сомневается в благости целлулоидного чуда. Уговорили! Даже когда в храм притащили фортепьяно фирмы «R. Weissbrod Eisenberg S. A.», пожертвованное местным бакалейщиком, протестовать не стал. Какое же кино без тапера? За инструмент сел сам бакалейщик, играв-

ший очень недурно, заменяла же его в дни отлучек матушка маленького Криса. Грант-младший был очень этим горд.

Комедии, щекочущие душу мелодрамы, первые вестерны («Никогда так не стреляй, Крис!»). А через пару лет, когда бакалейщика хватил удар, тапером стал десятилетний Кейдж. Как истинный профессионал, он никогда не смотрел фильм заранее и даже не интересовался сюжетом. В этом и вся прелесть: успеть взять тревожную ноту в самый разгар счастливого праздника. Внимание! Сейчас появится Черный Билл!..

Много позже, в Серебряный век Нового Орлеана и в железном Нью-Йорке, Крис часто укладывал жизнь в немудреные сюжеты виденных в детстве фильмов. Правда, финал далеко не всегда совпадал с киношным, на то она и жизнь.

...Вечер в огромных апартаментах босса, справлявшего именины, начинался точно как комедия, причем из самых простых, первых лет наступившего века. «Universal Studios» представляет: «Обутый простак», фильм в двух частях. Разряженные парочки с глупыми лицами кружатся в танце, за инструментом – разбитная девица с сигаретой в зубах, Простак же, невеликого роста парень со стеклышками на носу, жметя к стене, потому как танцевать не слишком обучен, да и шумную толпу не любит.

Не тут-то было!

– Добрый вечер, мистер Грант!

Камилла, мисс Младшая Сестра, соткалась прямо из си-

гаретного дыма. Такая же, как всегда: белый верх, черный низ, тяжелые темные туфли, прическа «Бабушкина память». Лицо... Камилла его не имела. Нос был – в комплекте с губами и парой глаз, к этому прилагались уши, но все вместе никак не складывалось. Взглянешь – не увидишь. Вечная секретарша, вечная помощница, Мисс Пишущая Машинка.

– Ой, какая я неловкая! – громко и четко произнесла Пишущая Машинка, попытавшись облить Криса коктейлем. Не вышло – Кейдж вовремя сделал шаг назад. Коктейль из бокала неведомым чудом изменил направление и обильно полил «белый верх», испортив аккуратно выглаженную блузку.

– Ой, мистер Грант! Меня сестра убьет. Помогите, пожалуйста, тут рядом ванная...

И Простака потащили напрямиком в ванную. Если бы Кейдж сидел за инструментом, то непременно сыграл бы «Chopstiks», он же «Блошиный вальс»²³. Та-ра-рам-пам-пам! Та-ра-рам-пам-пам!..

Само собой, прямо посреди ванной Камилла умудрилась упасть, причем точно на грудь Простаку.

– Ой, что вы со мной делаете, мистер Грант? Ой, я боюсь!.. Та-ра-рам-пам-пам!..

– Что тут происходит? – грозно спросила с порога мисс Сестра Старшая. – Кристофер, что вы себе позволяете?

Па-ра-па-ра! Пам-па-рам!

Великолепная Лорен Бьерк-Грант не знала, что именно в

²³ Он же «Собачий вальс».

ЭТОТ МИГ КИНО КОНЧИЛОСЬ.

* * *

Крис Простаком не был. Многие обманывались наивным блеском стеклышек в окулярах. И вправду, Кейдж снимал их очень редко, не перед каждой даже дракой.

– Кристофер Грант! Вы, кажется, позволили себе бесчестные действия по отношению...

Кейдж немного подумал – и содрал с носа очки.

...Глаза в глаза. Невысокий, не слишком ладный парень в недорогом костюме из магазина готового платья, что на 34-й стрит, и роскошная, неповторимая, величественная...

Густой тягучий Юг против холодного Нью-Йорка. Долгая череда предков – упрямых, никому не покорявшихся «дикси», учившихся стрелять раньше, чем ходить. А за ними – легендарные канадские пращуры-кажуны, изгнанные из отчих домов, но сохранившие гордость, веру и родную речь. Кристофер – лишь первый в долгом молчаливом строю.

То, что стояло за плечами великолепной Бьерк-Грант, внучки эмигрантов из русской Польши, не имело такой силы.

– Неужели ты такое дерьмо, Лорен? Но Камилла в чем виновата?

– Да, я дерьмо, Крис. Потому что она моя сестра, и я ее люблю. Вот что, малыш... Сейчас ты мне врежешь по морде, а потом мы поговорим. Тебе ведь нужна квартира в Нью-

Йорке? Не будь идиотом, Крис. Ты хотел карьеры – вот она!..
И Север в который уже раз победил...

* * *

Жениха и невесту впервые оставили наедине после помолвки. Традиция! «Полчаса!» – заявила мисс Старшая Сестра, выразительно взглянув на циферблат своих наручных. Кейдж едва удержался, чтобы не пожать плечами. Ему бы и минуты хватило, причем не рядом с невестой, а где-нибудь за дверью.

– Ой, мистер Грант, я так рада, так рада! – начала было нареченная. Осеклась, отвела взгляд.

Кейдж мог просто отмолчаться. Полчаса – невеликий срок. Мог и хуже чего, репортерский язык остер. Но рядом с ним, истинным южанином-«дикси», была та, кому он дал слово перед алтарем. По добру ли, это уже его вопрос.

И они все-таки поговорили, тоже впервые в жизни.

Писал Кейдж невесте по четвергам, покончив с дневными делами. Каждое послание – ровно на листок из блокнота.

6

– Бог мой, что у вас с лицом?

С вождями знакомятся по-всякому. Иных к ним подво-

дят, велев принять должный вид, после чего небожитель, кивнув снисходительно, достаивает счастливица рукопожания. Кому достается ладонь, кому – всего лишь палец. Но это – для иных, славой обиженных. Настоящее знакомство – в строю, после боя, когда костяшки пальцев кровят, и вся голова в бинтах.

– «Красный фронт» пугаю, партайгеноссе!

И – улыбка, пусть не увидеть ее под бинтами.

Тяжелая весна 1924-го. Партии нет, после неудачной революции в Мюнхене она под запретом. Хуже – распалась на не слишком дружные обломки. Фюрер в тюрьме, слабые бежали и спрятались. Югенбунд тоже распущен. Отряды, конечно, остались, и даже деньги по-прежнему платят, но больно уж обнаглели красные.

Ночью был бой. А поутру тех, кто не оказался в больнице, вызвали на срочное построение. Гость из Мюнхена, чином не велик, зато друг самого Грегора Штрассера. Приехал не на авто, на обычном мотоцикле, чем сразу вызвал уважение. Видом, правда, неказист, ликом бледен, да еще и пенсне, словно у паршивого интеллигента.

Так Харальд Пейпер познакомился с Агрономом. И ничем бы это не кончилось, но гость повел себя странно. Иной бы пожал руку юному бойцу, здравия пожелал...

– Идите сюда!

Выдернул из строя, словно редиску с грядки (белые бинты, красная кровь), в сторону отвел. Сняв стеклышки с носа,

взглянул близоруко.

– Немедленно к врачу! Сейчас же! Здесь, в Берлине, у меня есть хороший знакомый, челюстно-лицевой хирург. Денег он с вас не возьмет.

Блокнот, несколько неровных строчек, короткая подпись.

– Ваше имя... Да-да, Харальд! Бегите, Харальд!..

Деньги все равно понадобились – на перевязки и лекарства, но друзья не оставили, скинулись. Лицо удалось спасти, даже шрамы через пару лет рассосались. Хирург-кудесник оказался евреем, что не слишком удивило. Из всей НСДАП только верхушка, стараясь не отстать от Ефрейтора, метала громы и молнии по адресу «низшей расы». Вожди поменьше, прагматики поневоле, блюли свой интерес.

Через много лет «старый боец» Харальд Пейпер поможет хирургу нелегально покинуть Рейх. А на исходе весны все того же 1924-го молодой югенбундовец, взяв у приятеля мотоцикл (чем мы хуже?), съездил в Мюнхен – поблагодарить. Однако разговор, начавшийся с чашки скверного кофе, приобрел неожиданный оборот.

– Деремся мы неплохо, партайгеноссе. Но этого мало. Любая война начинается с разведки, а здесь мы пока слепые. Мы тут с ребятами прикинули, что можно сделать...

Агроном, достав из ящика стола блокнот, развернул, пристроил поудобнее. Блеснул стеклышками.

– Я кое-что буду записывать, Харальд. Так лучше думается. Но после нашего разговора обязательно сожгу. Кстати,

имейте в виду: на следующем листе остается след, а под столешницей может лежать копирка...

* * *

– ...Так лучше думается, Ингрид. Но после нашего разговора обязательно сожгу.

Харальд Пейпер на всякий случай провел ладонью по гладкому зеленому пластику стола. Нет, копирку не подложить. И микрофона за вентиляционной решеткой нет, лично проверил, пока чудо плескалось в ванной.

«Вы – параноик, Харальд». Угу!

– Что-нибудь еще добавите?

Девушка взглянула жалобно.

– Но мы... То есть я уже три часа подряд... Наверно, именно так допрашивают, да?

Он, встав, шагнул к подоконнику, коснулся пальцем давно не мытого стекла. Месяца два назад они стояли тут с братом, плечо к плечу. «...Я не Каин и никогда им не стану».

Беззвучно шевельнулись губы.

Не томись тоской бесплодной,
Ведь не вечен снег зимы,
Будет родина свободной,
Будем с ней свободны мы!

Болотные солдаты,
Идем среди проклятых – болот...²⁴

Повернулся к светлоглазой, развел руками.

– Извините, Ингрид! Допрашивают конечно же совсем иначе. А как именно, вам, честное слово, лучше не знать!

Просмотрел густо исписанный листок, щелкнул ногтем по бумаге.

– А теперь смотрите! Среди своих знакомых вы назвали некоего герра NN...

Девушка смутилась, Харальд же улыбнулся весьма одобрительно.

– Правильно, правильно! Так вот, из ваших слов следует, что помянутый NN занимается делами тех шутников-рыцарей, которые с вашим дядей дружили. Согласен, все это не слишком серьезно. Но почему бы вам с ним не встретиться? Он ведь не выдаст?

Ингрид на миг задумалась, затем решительно тряхнула головой.

– Ни за что!

– Вот и прекрасно. Лишний друг никогда не помешает.

Гауптштурмфюрер СС Пейпер солгал баронессе Ингрид

²⁴ Песня «Die Moorsoldaten». Здесь и далее использованы переводы С. Болотина, А. Штейнберга и анонимные, из газет того времени. Для знатоков отмечу, что нынешние исполнения далеки от оригинала. «Die Moorsoldaten» – не марш, как можно подумать, а церковный хорал.

фон Ашберг-Лаутеншлагер Бернсторф цу Андлау. Допрос он провел строго по инструкции. Трижды девушка пыталась ему солгать...

Нет, светлоглазая, не выйдет!

7

В первый миг Анне почудилось, будто она попала прямиком на старинный корабль. От пола до потолка – дерево, справа от двери – медный колокол-рында, окна-иллюминаторы вдоль стен. Поперек всего переборка, свежая фанера, врезанная легкая дверь. Возле одной из стен, прямо на полу – холсты в рамах. Картины? Если да, то очень странные.

Пахло стружкой и, совсем немного, хорошим вином.

– Это называется «мансарда»! – отрапортовала малявка, для наглядности раскинув пошире ручонки. – По-нашему, конечно, «чердак», но зато звучит красиво²⁵. А перегородку мы вчера закончили, чтобы вторая комната была...

Мухоловка мельком отметила решительное «мы». Характерец!

– ...Там есть отдельный кран, умывальник – и то, что наоборот. Здесь раньше студенты жили, сразу семеро, у них тут целых три комнаты было. Только купаться нельзя, но на со-

²⁵ Не всякий чердак – мансарда. Архитектор Франсуа Мансар впервые использовал подкровельное чердачное пространство для жилых и хозяйственных целей. С тех пор чердачный этаж под скатной крутой крышей носит название мансарда.

седней улице – турецкая баня...

– В шко-лу! – негромко, но решительно скомандовал «подпольная кличка Кай». – Возьмешь такси – и чтобы успела к третьему уроку. Проверю!

Малявка, обиженно засопев, взглянула на гостью. Анна сочувственно улыбнулась.

– Ну, ладно. Как всегда, на самом интересном месте...

Маленький кожаный ранец лежал на столе. Девочка, не став его надевать, взяла за ремень и без всякой охоты протопала к двери, стараясь ступать как можно громче. На пороге обернулась.

– А такси не нужно. Я на машине *monsieur contre-amiral*, она в соседнем переулке стоит. Ага! Ага! Вечером обязательно приеду...

И, уже с лестницы:

– Синьорина Анна! Я – Гертруда, но можете звать Гердо-о-ой!..

Кай – и его Герда... Секретный агент Мухоловка подошла к раскрытому окну, глубоко вдохнула, скользнув взглядом по густой листве платана. Кажется, она попала по нужному адресу. Как там у Андерсена? «В большом городе, где столько домов и людей...» В большом городе Париже, где столько домов и людей, что даже контрразведка бессильна...

– По паспорту я – Йоррит Марк Альдервейрельд, – негромко проговорил быстроногий. – Но лучше просто – Марек, так меня все зовут. Как вы уже догадались, чисто-

кровный голландец, родился в Нидерландской Индии, где очень много диких лемуров...

– А еще – орангутангов.

Мухоловка повернулась и, не сдержавшись, царапнула взглядом «чистокровного». Поляк или чех, и лицо почему-то знакомое. Картотека розыска? Секретный агент по кличке Кай... Нет... Просто кого-то очень напоминает.

Красивый парень!

– А про себя я еще не придумала, Марек. У меня итальянский – с немецким акцентом, это сразу заметно...

Марек усмехнулся.

– А немецкий – южный, почти как у меня. И еще... Шрам от пули вы челкой прикрываете, но лучше носить берет. Давайте присядем!..

Отодвинув стул, подождал, пока гостья устроится, затем поставил на стол большую темную бутылку.

– Это – по желанию. Мне дочь строго запретила, но, если что, скажу, будто вы настояли. На первый раз простит. Кстати, если хотите, могу принести пепельницу. Я сам – некурящий. Ну, с некоторых пор...

Последнее прозвучало не слишком уверенно, и Мухоловка предпочла сигареты пока не доставать.

– К тому же вы – художница. Не забыли, Анна? Остается сложить все вместе...

– Уже.

И – решила.

– Марек! У меня очень хорошая память. Мы с вами не встречались, я не слыхала вашего голоса, но лицо где-то видела. И не в газетах, не в книге... Если вы профессионал, тогда все понятно, наш мир очень тесен. Это могло быть?

– Да, – очень спокойно ответил он.

Достал глиняные стаканы, пододвинул бутыль.

– Вы видели фотографию гауптштурмфюрера СС Харальда Пейпера. Это мой брат-близнец.

Анна на миг прикрыла веки. То же лицо, но под фуражкой с высокой тульей. Белая рубашка, черный мундир...

– Точно!

Открыв глаза, вновь скользнула взглядом по лицу того, кто сидел напротив. Улыбнулась.

– Вы не думали отрастить большие-большие усы, Марек? Впрочем, не стоит, таких памятливых, как я, в Париже не очень много.

Хотела сказать, что подобное сходство – и опасно, и очень перспективно, но прикусила язык. Не ее тайна.

– А что касается меня... Италия, Южный Тироль. Там живут немцы, говорят на диалекте, близком к баварскому. Маленький поселок Баргарата-Мармарола, для местных – просто Мармарола. Там я родилась, училась, писала картины...²⁶

– А рисовать вы умеете? – мягко улыбнулся Марек.

Мухоловка поглядела в сторону стоявших вдоль стены по-

²⁶ Что на самом деле происходило в этом поселке, читатели могут узнать, прочитав первую книгу цикла – «Квентин».

лотен. Ее так и подмывало сказать, что подобное – хоть с закрытыми глазами, причем малярной кистью или веником.

– Пауль Клее, – понял ее капитан деревянного корабля. – Да, над этим в Рейхе сейчас принято издеваться. Не всегда и не всем приятно смотреться в зеркало. Итак, вы писали картины...

– ...А заодно штурмовала окрестные скалы. В этом мае навернулась, когда дюльферяла с Лиро, то есть с Волка, лежала в веронской больнице... Итальянский паспорт, кстати, у меня есть.

...Спасибо полковнику Строцци – гореть ему живым в аду!

– А еще по данным разведки, вы, Марек, умеете показывать фокусы.

– Такие?

На ладони чистокровного голландца – черный, как ад, шар. Небольшой, с мячик для тенниса. По ровной поверхности – трещинки-паутинки.

– Назовите любое число – от одного до, скажем, пятидесяти...

8

Толпа напирала, давила, захлестывала, сзади же с регулярностью метронома доносилось одно и то же:

– Быстрее, Крис! Быстрее, мы же опоздаем! Быстрее!.. Ну,

что ты стал? Крис, поторопись!

До отправления поезда – еще полчаса, но переждать высыпающий из вокзальных дверей народ – пассажиров только что прибывшего «скорого», Мисс Репортаж категорически отказалась. Тому была причина: в годы давние, по ее собственному рассказу, семья Бьерк-Грант однажды умудрилась вовремя не приехать на вокзал...

– Крис, ну быстрее!..

Кейдж отнесся к происходящему философски. В спину не толкает – и ладно. Сквозь толпу же пробираться трудно, но возможно, ибо их маленький отряд возглавлял лично Монстр, увешанный самым ценным багажом – фотоаппаратурой, включая оба штатива. Свои камеры, впрочем, Крис ему не отдал, благо не слишком тяжелы. Купленный в Берлине новенький «Contax II»²⁷ – на левом боку, старый проверенный «No. 1A Pocket Kodak» – на правом. Все прочее доверили носильщикам. Поезд Париж – Тулуза, девять часов в пути, прибытие – ровно за час до рассвета. Бр-р-р-р!..

– Зато день не пропадет! – наставительно заметила Лорен. – Бодрись, малыш.

Кейдж честно бодрился, Монстру же было все равно. Он мог спать в любых условиях, чем и занимался в свободное от еды и работы время.

...Откуда взялся, не знал никто, даже Джордж Тайбби. По слухам, Лорен привезла Монстра то ли из снежной Аляски,

²⁷ В дальнейшем – «Киев-3».

то ли из лесных чащ штата Вашингтон. Для чего, ясно – таскать тяжести и держать поодаль любопытных. Монстр, к всеобщему удивлению, умел разговаривать, правда, не слишком часто и не более трех слов за раз, и даже, опять-таки по слухам, разбирал буквы. Что интересно, против его нахождения при особе блистательной мисс Лорен не возражал никто, даже ее жених. Сам же Монстр объяснял свое присутствие просто:

– Мы – друзья!

И весело скалился желтыми клыками, ввергая сотрудниц редакции в состояние, близкое к столбняку. Но порой бывал и незаменим, как например, сейчас, в толпе.

– Крис, ну скорее! Мы же опоздаем!..

Кейдж на миг остановился, пытаясь сообразить, под какую из башенок вокзала им следует пробиваться. Но Монстр, сомнений не ведающий, уже уверенно свернул направо.

– Кри-и-ис!..

* * *

Отдышались только в купе. Предусмотрительная Лорен купила билеты на все четыре места, дабы избежать чужих глаз. Убедившись, что с аппаратурой все в порядке, она плюхнулась на сиденье, достала из сумочки пачку синих «Gauloises» и требовательно взглянула на коллегу.

– Ну? Готов к разговору, Крис? Книгу прочитал?

– Хра-хра-хра! – негромко, но убедительно прокомментировал Монстр, не терявший времени даром. Кейдж извлек из кармана помятый покет, положил на колено.

– «Вскоре после этого повстречал Галахад сэра Борса и сэра Персиваля, и вместе отправились они в замок Корбеник к Вечному Королю. Было много радости, когда прибыли они туда. И был им явлен Святой Грааль, который напитал их...»

Мисс Репортаж взглянула без всякой радости.

– Ты мне, малыш, своей памятью не хвались. Давай по делу.

– Могу, – Кейдж улыбнулся как можно беззаботнее. – Ты, Лорен, когда последний раз совместный материал делала? Чтобы две подписи?

Ответа ждать не стал...

– Хро-хро-о-о! Хру!

...Откинулся поудобнее на жесткий диван, шлепнул книжкой по столу.

– Шеф хочет, чтобы мы не простаивали. Ты хочешь написать что-нибудь приличное, чтобы не позориться. Ты же Лорен Бьерк-Грант! Зачем тебе моя подпись на материале?

Женщина дернула губами, поморщилась.

– Хра-а! Хро-о-о!..

– Я буду работать сам. Что-нибудь да найду, меня же не зря хорьком прозвали. А ты – блистай!..

Монстру довелось всхрипеть еще десяток раз, прежде чем Лорен ответила. Не сразу, вначале усмехнулась.

– Никогда не называла тебя хорьком, малыш. Ты просто хитрозадый парень из Луизианы, который привык выживать среди аллигаторов...

Таковых в Сен-Пьере отродясь не водилось, но Кейдж не спешил уточнять.

– Я как тебя как в редакции увидела, так сразу подумала о Камилле. Не считай меня сволочью, Крис, она – хорошая девушка. Со мною бы ты точно не ужился!

Потомок кажунов с трудом удержался, дабы не осенить себя крестом. Святой Христофор Песьеглавец, небесный заступник, не попусти!

– Тогда придумай, что нам делать с приказом босса. Нас двое, тема одна.

Кейдж придвинулся ближе, покосился на внезапно притихшего Монстра.

– Наша тема – Грааль. Во всех моих материалах это слово будет. И в названии будет. Сегодня твоя статья – моя завтра.

Мисс Репортаж на миг задумалась.

– Обойдешься! Две статьи мои – твоя одна. И помни, Крис, – чтобы ни политики, ни бандитов. Найди какой-нибудь городишко в самом захолустье – и просто опиши со всеми подробностями. Будет как у Марка Твена в «Простаках за границей». Только, пожалуйста, не подведи, ни меня, ни редакцию.

– Читаешь мне курс юного репортера? – улыбнулся Кейдж.

Лорен взглянула серьезно.

– Напоминаю, малыш, пока – только напоминаю. Иногда это полезно. Ладно, решили!

И протянула ладонь.

Легкий толчок. Поезд Париж – Тулуза отбыл с вокзала д'Орсе²⁸. Монстр приоткрыл один глаз...

– Хррр? Хррр! Хррр...

9

Заработался! Харальд Пейпер поглядел на плоское блюдо настенных часов, затем на собственные наручные и едва сдержался, чтобы не присвистнуть. Считай, полночь. Они хоть обедали? Вроде бы да, он спустился вниз, попросил герра Гримма послать кого-нибудь в магазин, потом... Яичница? Нет, омлет, удалось купить молока.

А на зеленом кухонном столе – общая тетрадь в темном кожаном переплете (из запасов племянницы), карандаши – да пустая консервная банка с окурками. Потому и работал здесь – квартиру задымлять не хотел.

Сын колдуна, перелистав записи, устало провел рукой по лицу. Квадратики с ромбиками, черточки с крестиками – ведьмина азбука, а сжечь все равно придется. Но сперва – еще и еще раз изучить. Все написанное должно само собой

²⁸ В 1936 году – еще не музея.

связаться в узел, завертеться, теряя контуры и размер, чтобы обратиться короткой ясной формулой. Привычное шпионское колдовство: анализ, синтез, результат.

Харальд, вновь присев к столу, отодвинул подальше пустую чашку из-под кофе, уткнулся локтями в пластик.

Колдуем!

Нас не тешат птичьи свисты,
Здесь лишь топь да мокрый луг,
Да молчащий лес безлистный,
Как забор, торчит вокруг.

Солдат болотных рота,
С лопатами в болота – идем...

Песня, родившаяся в «болотном лагере» Бергермор, гауптштурмфюреру очень нравилась. Вражеская? Но если подсчитать, сколько сейчас за проволокой таких же, как он, «старых бойцов»? А скольких и до проволоки доводить не стали? Хорст Вессель, воспетый, прославленный, чуть ли не обожествленный... Не повезло, ой не повезло парню!

Поутру идут колонны,
На работу в злую топь,
И сердца у заключенных
Выбивают глухо дробь...

Песня нравилась, а вот концлагеря – нет. Не сами по себе, британцам можно, русским тоже. Чем германцы хуже? Но то, что Агроном с ними связался, а заодно и СС подключил, было совершенно лишним. Толстый Герман придумал – вот пусть и пачкает дальше свой геройский мундир. Фюрер приказал? Мало ли что Бесноватому в голову стукнет? Тот же Геринг приказы выполняет хорошо, если через один – и правильно делает. Увы, Агроном слишком уж старателен, есть такой грех!

Колдовская формула никак не рождалась. Ромбики, квадратики, черточки... Нет, чего-то не хватает!

Болотные солдаты,
Идем среди проклятых – болот...

– Харальд! Извините!.. Можно вас... Харальд!..

Наследник Мельника, с трудом оторвавшись от записей, взглянул недоуменно. В дверях, неожиданным ночным привидением – чудо в халате и домашних тапочках. Зачем оно здесь? И накормили, и спать уложили.

Закрыв тетрадь, вновь провел ладонью по глазам. Этак и до очков дело дойдет!

– Мне... Мне страшно одной, Харальд!..

Отвела взгляд, губу закусила. Сын колдуна подумал было о жутком Призраке Конструктивизма, заблудившемся в недрах светло-голубой, в цвет глаз баронессы, четырехэтажки,

поглядел внимательнее...

Нет, дела похуже!

Ингрид, ответа не дождавшись, решительно шагнула вперед, плеснула взглядом.

– Я думала... Думала, воспитанному мужчине достаточно намека...

На-ме-ка... Он, значит, тут колдует, основы мироздания колеблет... Раз! Пятерня на вороте халата, к загровку ближе. Два! Вторая клещами в левое плечо.

– Ты спрашивала, Ингрид, когда тебя накроет? Вот сейчас и накрыло. Это не страх, это Смерть тебя отпускает. Не сразу, потому и больно.

– Но мне действительно... Послушай!.. Послушайте, в конце концов, я взрослая женщина...

Бить светлоглазую Харальд не стал – по щеке погладил. Сам виноват, по себе судил, не сделав поправку на то, насколько госпожа баронесса... взрослая. Пододвинул стул – к столу поближе, взял за плечи, усадил аккуратно. Соплюхе не везло с парнями – или наоборот, парням не обломилось. Только говорить об этом вслух нельзя. Здесь не кабинет доктора Фрейда.

Колдуй, Гандрий Шадовиц!

Закрыв тетрадь (черная книга «Корактор» из сундука Мельника!), прижал к столу ладонью.

– Дано: Рейх, полиция, вермахт, Служба безопасности рейхсфюрера СС, НСДАП и ее структура, миллионы созна-

тельных подданных, пишущих доносы, несколько густых сетей агентуры. Задача: создать сильное, боеспособное подполье. Ну как?

«Вы – параноик, Харальд. Вот и действуйте, как параноик».

Услышала! Протянула руку, поднесла к тетради. Коснуться не решилась, отдернула.

– Ты... Вы над этим работаете, Харальд?

Сын колдуна улыбнулся.

– Пока не слишком получается. Есть лишнее звено, Ингрид. Вы! Поэтому завтра же постараюсь найти для вас дорожку обратно через границу. А когда очухаетесь под парижскими каштанами, тогда и будете намекать кому хотите – и сколько хотите!..

– Нет! Не-е-ет!

Вскочила, чуть стул не опрокинув, сжала кулаки.

– Вы... Вы не знаете ничего! Я и так была за границей – в полной безопасности, среди друзей. Но после... После того... В общем, я почувствовала, что должна вернуться, должна что-то сделать. Понимаете? Даже когда схватили, я не испугалась. И не потому, что увидела вас, а потому что решила – Судьба. Кто-то должен начать. Погибну я, но другие...

Задохнулась, смахнула слезы с глаз.

Гауптштурмфюрер СС не перебивал, слушал. Привык – и не таких светлоглазых до самого нутра выворачивал. Пой, птичка, не умолкай!

– Мы... Мои друзья и я... Тоже думали о подполье, о том, что оно есть, действует, и мы сможем помочь. Потому и приехала...

Харальд Пейпер, раскрыв тетрадь, скользнул взглядом по первой странице. Чего-то не хватает, не ладится колдовство? Scheiße an die Wände schmieren! Лишнее звено? Fick dich! Куда он смотрел? О чем думал?

Встал, поймал взглядом взгляд – светлое утреннее небо.

– Хотите помочь, Ингрид?

Кубики, черточки, квадратики – ведьмина азбука. До формулы – всего один шаг, протянутая рука.

Есть!

Boha Chorneho,
stare kralestwo
rapak netko wobydli...

10

Ночью, перед тем, как забраться на верхнюю полку, Кейдж открыл окно, чтобы впустить свежего ветра. В купе, спасибо Лорен, презрительно накурено. Сама мисс Бьерк-Грант уже спала, уснул и Монстр. Отхрапев свое, он, проявляя редкую сознательность, дышал тихо, словно младенец. Крису же не спалось. Вначале привычно ныли зубы. Таблетка их успоко-

ила, но Морфей не спешил. Может, потому, что за открытым окном – чужая страна, чужая прохладная ночь. Редкие огоньки, еле различимые дома, темные силуэты деревьев...

Океан он перешагнул впервые, но ничего особенного ни в Германии с ее барабанами и черными мундирами, ни в прекрасной Франции, где положено восхищаться каждым кустом, так и не увидел. Что та страна, что эта! Луизианские «байю» с помянутыми Лорен аллигаторами в свое время впечатлили Кейджа куда больше, чем душный, шумный и вдобавок изрядно грязный Париж. Уроженец Сен-Пьера, отдавая должное Тому, Кто на небесах, в земной жизни был совершенным реалистом. Грааль? Босс при всей его мудрости задал не слишком удачную тему – хотя бы потому, что половина читателей «Мэгэзин» даже не слыхала это слово. Писать следует о чем-то реальном, понятном каждому. Да хоть про искусственное осеменение скота! Очень даже неплохо, приличный материал на два «подвала», на фото – счастливая коровья морда крупным планом...

Для себя Кейдж уже все решил. Мисс Бьерк-Грант со своей командой полезет в пещеру – и на здоровье! А он достанет... Ну, к примеру мотоцикл. И вперед, по дорогам, за настоящей темой!.. Название – пустышки, пиши о чем угодно, а назови «На земле Грааля».

Кристофер Жан Грант смотрел в пустое окно. Мать-Тьма не мешала, наблюдала молча. Человек спешит навстречу своей Судьбе.

Пусть его!

Глава 3

Авалан, почти город

Шарль. – Монсежюр. – Семнадцать печатей. – Фу-те! – «Он покоит меня на зеленых пастбищах...» – Профессор из Будапешта. – Встретились два шпиона. – Дядюшка Барбарен. – Вальтер Эйгер.

1

В последний миг Анна Фогель едва не повернула обратно. Не из-за опасности, ее как раз и не было. Позднее утро, людей – полон тротуар, ажаны на посту. И слезки она не заметила. Место же крайне удачное: ворота Порт Фессар, за ними – парк Бют-Шамон с его искусственными скалами и храмами, затейливая игрушка барона Османа. Вход, но не главный, толпы нет, все на виду.

Но что-то мешало, гвоздем торчало в сердце. Словами не выразить, разве что одним, коротким:

Назад!

Не успела – Шарль обернулся. Поправил очки, шагнул навстречу. А на лице – ничего, словно вчера расстались. Взглянул на нее, потом скользнул взглядом по трости.

– Я тебя давно заметил, потому и пошел тише, чтобы до-

гнать могла. Здравствуй, Анна!

– Здравствуй!..

Букет белых осенних астр, поцелуй в щеку. Со стороны взглянуть: бывшие любовники, не враги, и не друзья. Встретились, а зачем, и самим не очень понятно.

– Там, в парке, есть кафе на террасе...

– Роза Бонор на аллее Каскадов, – вспомнила она. – Да, удобное место. Пошли!

Гвоздь из сердца не исчез. Карел Домучик, бывший старший референт при министре, ничего не делает зря. Не ошибается и, главное, никогда не дает волю чувствам. Шахматный автомат позапрошлого века: колесики, пружинки, рычажки, сзади – ключик. Раньше его заводил Эрц. А теперь?

Да, Шарль не умеет ошибаться – в отличие от нее. И если согласился на встречу, значит, продумал все до конца. С бывшим же агентом встречаются для того, чтобы завербовать вновь – или сделать так, что вербовать будет некого.

* * *

– Голодная?

Отвечать не стала, покачала головой. Вспомнилось, как она притащила ничего не понимающего Вальтера в кафе (адрес подсказал, естественно, Шарль), как изучала меню, заказывала жареных цыплят. Операция шла штатно, но на душе было мерзостно. Американца наверняка придется потро-

шить, а парень оказался симпатичным – и доверчивым до смертной оторопи. И не откажешься, сама же предложила.

– Я тоже не голодный, – сообщил Шарль, пообщавшись с официантом. – Заказал «Пети Плато де Фромаж», камамбер и...

Взглянул на ее лицо, осекся. Сбой в шестеренках – или, напротив, пауза перед чем-то важным. Шахматный автомат не переиграть, даже с толку не сбить. Непобедимый!

Мухоловка поглядела сквозь чужие стеклышки в чужие глаза.

– Когда я умирала, Шарль, всякое видела. Одно забыть не могу: как ты меня живьем в гроб заколачивал. Все, что ты и обещал, даже страшнее. Но леденцы не забыл, спасибо!

«...Кладу под левую руку. Прощай, Анна!»

Его губы еле заметно дрогнули.

– Такой приказ действительно был, Мухоловка. Эрц решил, что ты предала, предпочла ему этого американца... Я должен оправдываться?

Бесшумно возникший официант украсил столик плетеным подносом. Парк Бют-Шамон в миниатюре – башенки и скалы из разноцветного сыра в окружении фруктов и винограда. Анна, подождав, пока они вновь остались одни, вынула из сумочки сигареты.

...На борту деревянного корабля решила не курить, дабы не смущать капитана.

– Ты мне ничего не должен, Шарль. Я зря попросила о

встрече. Ошиблась! Со мной это бывает, извини. Но ты наверняка что-то приготовил. Говори, слушаю.

Закурила, вдохнув горький дым. Фигуры с доски сброшены, играй как хочешь, автомат!

– Если бы я планировал операцию, – Карел Домучик, пододвинув ближе поднос, подцепил вилкой центральную башню. – Я тебя, Анна, отстранил бы сразу. Отправил в санаторий – и написал бы докладную с просьбой больше таких не присылать. О делах с тобой говорить сейчас бесполезно. Разве что...

Расправился с башней, промокнул губы салфеткой.

– Передай своим мечтателям в Национальном Комитете: никакого подполья у нас нет и не будет. Скажу больше, «стапо» создаст собственное подполье – огонек для наивных мотыльков. У них наша картотека, все списки, половину агентуры они перевербовали еще до аншлюса...

Теперь вилка нацелилась на одну из скал, и Анне очень захотелось, чтобы Шарль промахнулся.

– Покойный Эрц здорово переоценил наши силы... Но это тебе, кажется, не слишком интересно?

Мухоловка улыбнулась.

– Если бы планировала операцию, то уже пристрелила бы тебя, Шарль, – как труса и паникера. Ты же крови боишься, душонка бумажная. Тебя Эрц к настоящей работе и близко не подпускал. Наш первый труп не забыл? А как тебя потом откачивать пришлось?

Вилка с негромким стуком упала на стол, блеснули и погасли стеклышки очков. Шахматный автомат исчез, и Анна невольно потянулась к сумочке, где ждал своего часа «номер один».

Ударит! Прямо сейчас. В лицо!

– Эрц был прав, – негромко, растягивая слова, проговорил Карел Домучик. – А я пытался тебя защищать, недоумок!.. Ты предала всех, предала страну – ради своего Квентина. Из-за таких, как ты, нас немцы и сожрали... Кстати, когда у мистера Перри свадьба? В начале октября? Весь Нью-Йорк соберется, Кирия пожалуется... Ну что, Анна? Разыграем простейший этюд? Вербовка в один ход, легким касанием...

Сняв очки, наклонился, растянул губы в усмешке.

– Могу сделать так, что свадьбы не будет. Хочешь? Ответ сейчас, причем только «да» или «нет».

Выбирать не из чего. Стенка! И она, Анна Фогель, у стенки – лопатками к холодному кирпичу. Ничего уже не придумать, не сказать, кроме...

– Fick dich!

И средний палец правой – вверх.

2

– Просыпайся, Крис, просыпайся!..

Голос мисс Бьерк-Грант способен разбудить скалы. Кейдж, вынырнув из глубин сна, удивленно заморгал, не по-

нимая, куда делось купе, вагон и весь поезд в придачу. И почему рядом с ним Монстр, причем веселый и явно довольный жизнью.

– Ы-ы-ы! – подтвердил Монстр и протянул ему бутылку пива «Kropenbourg». Крис замахал руками.

– У-у-у!..

– Гляди, малыш, вот он, Монсегюр!

Это уже Лорен, с переднего сиденья. Сиденья?!

Все, наконец, стало на свои места. Поезд был ночью, а в серой рассветной сырости они, толком не проснувшись, вышли на пустой перрон Gare de Toulouse Matabiau. Вскоре Крис вновь уснул, на этот раз на заднем сиденье вместительного зеленого «ситроена». Мельком вспомнилось название – 11-я модель, «гангстерский лимузин».

Стоп! Монсегюр?!

Повертев головой, репортер уткнулся взглядом в поросший густым невысоким лесом склон. Смотреть выше не стал – успеет. Итак, Монсегюр. В книжке про Грааль таковой, кажется, упоминался... Крис поглядел назад: там пылило жуткое чудище – древний грузовичок фирмы Renault никак не моложе 1916 года. При виде ветерана сразу же захотелось приложить ладонь к шляпе.

– Вещей много набралось, – пояснила мисс Репортаж. – Там еще багаж профессора Бертье.

Кейдж понял, что бежать нужно быстро и не оглядываясь, причем сразу, как только остановится авто.

...Бежать не вышло. «Гангстерский лимузин» затормозил на небольшой поляне, где уже стоял автомобиль – горбатый «Renault Celtaquatре» ярко-зеленого колера. Возле него прохаживался внушительных габаритов бородач в белом тропическом костюме и тропическом же пробковом шлеме.

– Улыбайтесь! – задушевно проговорила мисс Бьерк-Грант, первой подавая пример. – И вежливо, очень вежливо! Крис, не вздумай спорить. Джо?

– У-у-у! – бодро отозвался Монстр и оскалился.

– Здравствуйте, профессор!.. Как добрались?

Лорен первой ступила на истоптанную осеннюю траву – и тут же была подхвачена под локоток. Бородач, шумно облобызав ручку, шаркнул тяжелым ботинкам.

– О, мадам! *Votre arrivée – la plus grande joie, madame!* Что по сравнению с этим трудности пути и проколота шина? О, мадам Лаура, наконец-то наступает мой звездный час! Нет, не мой – наш! *Saint Graal – combien est caché dans ces simples mots!*..²⁹

Оторопевший Кейдж мысленно отметил несколько преждевременное «мадам», но, естественно, смолчал. Покосился на Монстра.

²⁹ Здесь и далее реплики оставлены без перевода, как вполне понятные по контексту.

– Э-э-э! – рассудил тот, вновь приложившись к пиву, после чего протянул бутылку Крису.

Пиво оказалось теплым и гадким.

– Мадам! – продолжал между тем профессор на том же англо-французском воляпюке. – И вы, уважаемые мсье! Я не тратил времени даром! Oui! Да! Я уже все продумал, причем до мелочей. Avant de détails plus favorisée!.. Мы начнем завтра на рассвете! Нет, даже сегодня! Aujourd’hui! Прямо сейчас!..

Кейджа выручил Монстр. Выбравшись из авто, он неторопливо закосолапил к профессору, закрывая репортера своей могучей спиной. Крис пригнулся, став совсем маленьким, – и выскользнул через правую дверцу. Перед ним было поле, высокая, уже начинающая желтеть трава, вдали же возвышался огромный каменный столб, увенчанный сидевшей несколько набок серой скальной короной.

– Привет! – сказал Кейдж Монсегюру и поспешил дальше. Дойдя до края поля, сорвал травинку, прикусил зубами. Чуть подумал – да и спросил неведомо кого:

– И чего мне так не везет?

– А? – откликнулась трава.

* * *

Вначале показалась фуражка – высокая, с широким белым кантом. Затем остро блеснули маленькие серые глаза.

Длинный утиный нос, рот почти до ушей, впалые щеки.

– Меня раскрыли? Да, меня раскрыли. Это ужасно, это чудовищно, кошмар, рапорт бри-га-ди-ру...

Само собой, по-французски, вполголоса и скороговоркой.

– Oh, yeah, dude³⁰, – согласился потомок кажунов. – Однако же особой беды for you отнюдь не вижу, since не в том моя ныне забота.

– Не выдадите? – серые глаза моргнули. – Кажется, вы честный человек, хотя и шпи-он. Шпионы, шпионы, они всюду, они везде...

Сквозь траву ясно просвечивал серый жандармский мундир, и репортер полез за паспортом.

– Нет! – понял его dude. – Не входит в план операции. Сначала вы мне паспорт, потом я вам поверю, а потом меня отправят на Чертов остров, как Дрейфуса. И закуют в кандалы. Не хочу! Вы меня не заметили, я вас не заметил, никто никого не за-ме-тил. Все, я пошел!..

– Heu-hey! – заспешил Крис. – Сначала сказать извольте, where мне бы купить motorcycle? Можно старый.

– Мо-то-цикл? – донеслось из травяных глубин. – Да хоть у меня. «Sunbeam» 1918 года, почти как новенький. Почему бы и нет? Вы придете тихо, а я сделаю вид, будто ничего не про-ис-ходит. Вы ничего не видели и ничего не покупали. И я ничего не видел – и ничего не про-да-вал...

³⁰ Dude – «чувак, кент, пацан» (Викисловарь). Отсюда и «Yankee Doodle».

Проскользнуть за спиной у Лорен Бьерк-Грант не удалось, Мисс Репортаж, увлеченно наблюдающая за разгрузкой грузовичка, которой занимались оба шофера и Монстр под предводительством профессора, очень не вовремя обернулась. А может, и затылком почуяла, с такой станется.

– Прячешься? Иди-ка сюда, малыш!

Звучало многообещающе, учитывая взгляд, брошенный будущей родственницей на его левое ухо. Но Кейдж ожидания обманул: ступил вперед без страха, взметнувшуюся же карающую длань проигнорировал.

– Лорен! Ты уверена, что у нас с документами все в порядке?

Выдавать своего нового знакомого он не собирался, раз уж обещал. Но побеспокоиться стоило.

– Честно говоря, сама волнуюсь.

Рука опустилась, не достигнув цели: Лорен прекрасно умела различать оттенки. Сели прямо на брошенный поверх травы брезент. Мисс Бьерк-Грант, оглянувшись в сторону поляны, где кипела работа, кивнула удовлетворенно – и заговорила вполголоса:

– Документы-то в порядке, можем передвигаться по всей территории Франции без всяких помех. На раскопки требуется разрешение, целая прорва бумаг, но профессор все

оформил. Мы даже к юристу ходили, чтобы без ошибок.

Вновь обернулась, пододвинулась ближе.

– Заметил, малыш, что поезд опоздал на полчаса?

– Я спал, – честно признался Крис, несколько смутившись.

– Здесь такое – редкость, тем более поезд парижский, ему опаздывать не положено. А тут – на полчаса, это ж целая лопата дерьма! Никто ничего не объяснил, но на подъезде к станции я заметила военные эшелоны. Похоже, мы их пропускали.

Кейдж сразу оценил сказанное. Испания рядом...

– А еще есть слух, что все приграничные департаменты, включая этот, Арьеж, закроют для иностранцев. Поэтому я и спешу, малыш. И тебя отпускать одного не хочу.

Репортер пожал плечами. Вот и странный dude разъяснился. Местным жандармам наверняка плеснули скипидару под хвост.

– Не страшно, Лорен. Если вышлют, можно будет хороший репортаж сделать. «Военная тревога на земле Грааля». Не буду тебе мешать, исчезну, у меня тут цель обозначилась.

– К-куда! – крепкие пальцы вцепились в его плечо. – Сначала с профессором познакомишься, а то неудобно выйдет. Он, между прочим, личность известная. Про маршала Бертье, который у Наполеона в начальниках штаба крутился, знаешь? Профессор – его правнук. Ну, по крайней мере, он сам так говорит.

– О, Грааль, о-о-о-о! – возвестил профессор Бертье густым басом. – Saint Graal – un cœur brûlant de l'Europe! Самый великий приз для искателей тайн. О-о-о-о!..

Знакомство прошло без проблем. Эжен Виктор Бертье на Криса толком и не взглянул. Руку, правда, потряс с немалой силой, словно желая оторвать. Однако и после этого убежать не удалось. Шоферы отправились на честно заслуженный перекур, потомку же маршала приспичило высказаться, дабы разъяснить «многоуважаемой мадам Лауре» всю важность предстоящего. Мисс Репортаж, не желая страдать в одиночку, усадила на брезент безотказного Монстра, затем поймала за пиджак Криса, сама же разместилась между ними. Бертье остался стоять, нависая над слушателями, словно Монсегюр в миниатюре.

– Так что же такое Грааль, мадам и мсье? О, есть сотни ответов, *des milliers opinions controversies*. О, тайна, о-о-о! «Что же есть истина?», – как справедливо спросил Тот, кому Грааль принадлежал...

Увлечшийся профессор определенно спутал Спасителя с тем, кто отправил Его на крест. Кейдж, бывший первым учеником в воскресной школе Сен-Пьера, обиделся за Господа нашего и решил дальше не слушать. В книжице про Грааль все изложено ясно и четко. Пусть и для туристов, зато без

глупостей, с картинками и даже схемами. Ему же и без того есть о чем подумать.

...Хотя бы о той же Испании. Что делать журналисту на войне? Ясное дело, о ней и писать. А зачем? О, есть сотни ответов! И самый простой – приучить читателя к мысли, что где-то регулярно убивают, и ничего в этом страшного нет. Как и в гибели Биффа Морана, чемпиона в тяжелом весе. Это спорт, детка! А это – война!..

«Я был большим дураком, когда отправился на ту войну», – молвил как-то старина Хэм, вспоминая молодость. Но Эрнест по крайней мере ушел добровольцем, а его, Кристофера Гранта, штатного репортера журнала «Мэгэзин», никто и не спросил. А он и не отпирался толком – как и в случае с мисс Младшей Сестрой. «Ты хотел карьеры – вот она!» И кто он после этого? Уже сказано! Хоть трижды пиджак перешивай.

...Теперь сидит как влитой. Но это не слишком радовало. – О, эти шарлатаны! Обманщики! Шакалья стая! О-о-о-о!..

Профессорский рев заставил вздрогнуть. Кейдж невольно оглянулся. Где они, шарлатаны?

3

...Братья шли по Унтер-ден-Линден, и Отомар увлеченно рассказывал младшему о театрах: и о своем, где работал,

и «настоящих». Зачем далеко ходить? Вот она, Берлинская опера! Старшему уже удалось там побывать, он видел, как дирижирует сам Вильгельм Фюртванглер. Это же чудо, чудо!.. Гандрий слушал, не перебивая. Театр его совершенно не интересовал, но не обсуждать же с братом очередное побоище с Красным фронтом!

– А я, наверно, уеду, – внезапно сказал старший. – Очень далеко уеду, Гандрий. Не нравится мне в Германии. Если это – наш дом, то лучше я стану погорельцем...

За эти годы главный бульвар Берлина почти не изменился. Разве что стало чище и шуцманов прибавилось. Покойный рейхсминистр Геббельс, будучи заодно столичным гауляйтером, истово боролся за порядок и опрятность. Вероятно, в аду, в перерывах между выступлениями перед рогатой аудиторией, Колченогий столь же рьяно драит котлы от смолы.

Гауптштурмфюрер СС Харальд Пейпер, поправив плащ, покосился на серое дождевое небо, прикидывая, не стоит ли свернуть к метро. Дождь наверняка будет холодным. Осень... Пусть и липы пока зелены, и утреннее солнце казалось ярким...

Тучи. Надолго, очень надолго.

Было солнце –
погасло солнце,
Были волны –
теперь пустыня...

В центре города Харальд оказался случайно. Проводив Ингрид на встречу с загадочным NN, он не стал брать такси – и пошел куда глаза глядят. Отчасти сам себе назло: где-то в самых закоулках души таился страх, самый обычный, человеческий и понятный. С детства младший из братьев любил и ценил вкус опасности, но теперь предстояла схватка не с очередной «красной» бандой, а с ведомством Козла. Служба безопасности рейхсфюрера СС... «Старый боец» Пейпер был из тех, кто укладывал в ее фундамент первые кирпичи, когда Козел и рядом не пасся...

Успокаивало то, что Козел – все-таки козел. Бюрократу, даже очень толковому, не стать хорошим разведчиком. Нужной печати не найдется.

* * *

– Пейпер! Перестаньте считать печати. Я вам помогу, их там семнадцать³¹.

Смех... Совещание шло не первый час, и разрядка, даже такая, была не лишней. Козел, прекрасно это понимая, не упустил случая слегка пнуть нелюбимого сотрудника. Пейпер из «старых» – из тех, кто создавал «стапо» под руководством Рудольфа Дильса. Но Дильса уже нет, в его кабинете царит Козел, а на столе, символом власти – стойка

³¹ Желаящие могут пересчитать. Фотография рабочего стола сохранилась.

с печатями в три этажа. Факсимиле на все возможные случаи: от простого «Согласен!» до витиеватого «Составить доклад, передать по инстанции, копию в архив». Как-то в случайном коридорном разговоре Харальд предложил подарить шефу печать с самой необходимой резолюцией: «Leck mich am Arsch!». Козел, естественно, узнал, крепко обиделся, но не затаил: вызвал подчиненного и долго объяснял ему все преимущества чернильного управления.

– Пересчитали, Пейпер? Да, их действительно семнадцать... Продолжим! Итак, какие будут мнения?

Говорили между тем об очень важном – о приоритетах. Если с врагами внутренними была определенная ясность, то внешняя опасность пребывала в тумане, словно айсберг перед «Титаником». Проще всего, взглянув на карту, пересчитать наиболее опасных соседей, ближних и дальних. Это Козел и предлагал: искать шпионов английских, французских, польских и русских. Подданных США велено не трогать, дабы не портить отношений.

Харальду бы смолчать. Он уже понял, что с Козлом не сработается, и скоро придется уходить, причем, хорошо, если в родственное «крипо», а не в «болотное» ведомство. Но – не сдержался. В конце концов, не на Козла же они работают!

...То, что американцы уже не первый год создают в Европе собственную сеть, стало ясно еще в 1934-м. Строили грамотно: сначала низовые ячейки под видом агентств печати и туристических бюро, потом региональные структуры, за-

маскированные под управления бесчисленных благотворительных фондов. Над всем этим – руководство по странам: Франция, Бельгия, Голландия, Италия. Наверняка и Германия тоже, хотя на границах Рейха след терялся. Сеть не имела ни названия, ни даже фиктивной вывески. Сослуживцы Пейпера окрестили нового противника «Ковбои», что было по-своему логично.

К лету 1936 года «Ковбои» завершили стройку. Прибыл и руководитель, новый посол США в Париже Уильям Буллит. Перед этим он возглавлял посольство в Москве, что заставляло крепко задуматься.

– Несерьезно! – категорически заявил Козел. – Какие-то журналисты, рекламные агенты, любители географии. Ни одного профессионала! Где здесь разведка, Пейпер?

Для нового руководителя «стапо» разведка сводилась к похищению чертежей секретного танка и взрыву железнодорожных мостов.

«Ковбоев» Пейпер отслеживал, но даже для него стало неожиданностью рождение еще одного монстра, раскинувшего сеть по всей Европе. Основой стала обычная, на первый взгляд, торговая фирма. Монстр тоже не имел имени. В некоторых документах мелькало название «Структура», но гауптштурмфюрер вовремя вспомнил, с кем довелось воевать ковбоям. С апачами! Значит?

«Ковбои» и «Апаши»!

– Всемирный заговор коммивояжеров? – Козел даже поз-

волил себе улыбнуться. – Но это уже, извините, Пейпер, паранойя!

«Вы – параноик, Харальд...»

...Дождь все-таки пошел, мелкий и очень холодный. Сын колдуна, отступив под сень ближайшей липы, надвинул поглубже шляпу и поглядел на серые тяжелые тучи. Переждать? Нет, это очень и очень надолго.

Он закурил и шагнул под дождь.

Дым табачный
из старой трубки,
Голос бури
из буйной пены,
Нет покоя,
ни в чем покоя нет!
Ах, где найти покой?

4

На середине лестничного пролета, ведущего к дверям деревянного корабля, Мухоловка остановилась. Замерла, вцепившись в ветхие деревянные перила, а затем беззвучно, но сильно ударила себя по щеке. Раскисла, Сестра-Смерть? Не слишком ли рано?

Прислушалась, вдохнула поглубже. Сигаретный дым! Марек-голландец не курит. Допустим, нарушил зарок, но... Го-

лоса?

Бесшумно взлетела по ступенькам, сама себе удивившись. До двери – всего шаг. Стучим? Нет, слушаем!..

– ...Другие и столько не дадут, мсье Альдервейрельд. Со-
глашайтесь.

– Согласен, другие не дадут. Но мы говорим о вас, мэтр
Робо.

Анна вспомнила картины в деревянных рамах. Не о них
ли речь? Если так, то сделка точно не выгорит. Не ту ком-
мерцию выбрал себе быстроногий!

Улыбнулась, сама себя поправив. Именно ту, агент Мухо-
ловка! Кто заподозрит чудака, торгующего такой жутью?

Стучим?

– Buona sera, signore e signori! Non voglio disturbarla...

На столе пепельница и початая темная бутылка в компании
глиняных рюмок. Марек в костюме, галстук в полоску...

– Добрый вечер, Анна! Мэтр Робо, это моя соседка, ху-
дожница из Италии.

...Тоже в костюме, только подороже, из очень приличного
магазина. Плечи вразлет, усы, как у брандмейстера, но фи-
гура... Сильный, несмотря на возраст, подтянутый, однако
не из военных. Неужели коллега? Не по разведке – по Ака-
демии искусств?

– Мадемуазель Анна?

Руку целовать не полез, что сразу же понравилось. А вот
глаза... Иные, несть им числа, взглядом раздевают, а этот

под кожу лезет, в кости, в мускулы...

– Мы тут обсуждаем работы Пауля Клее, – начал было Маре́к, но усатый мэтр поднял руку.

– О, мсье Альдервейрельд, еще успеем, целый вечер впереди.

Шагнул ближе, встопорщил усы.

– Мадемуазель! Смею надеяться, вы хотя бы немного понимаете язык Бодлера и Рембо...

Дождавшись кивка, дернул густыми бровями.

– Отлично!.. Я – Антуан Робо, директор и хозяин кабаре «Paradis Latin». Одного из лучших во всем Париже, мадемуазель, чем весьма горд. А еще я – тигр!

Анна ждала, что мэтр зарычит, и весьма разочаровалась, когда тот ограничился белозубым оскалом.

– Но вы устали, мадемуазель, у вас не самое лучшее настроение, поэтому не смею более навязывать свое общество. Однако, если желаете и если наш хозяин не станет возражать, я был бы счастлив...

Мухоловка задумалась. Настроение и вправду паршивее некуда, однако тигр заинтересовал. Алчет ее тела, но явно не ловелас. Может, каннибал?

– *Se non ti dispiace, non posso rimanere a lungo.* Не-на-долго, да? Не возражать?

Не возразили. Анна была усажена за стол и оделена рюмкой. Тигр, дождавшись, пока она сделает глоток, расправил крепкие плечи.

– Итак, я – тигр! Мои охотничьи угодья – искусство. Все, что можно купить, продать и показать зрителю. Мои клыки не ведают пощады, а мое чутье не дает добыче шанса. Бесполезно!

Мухоловка решила, что настал ее час, но мэтр внезапно обратился к Мареку.

– Не смею критиковать ваш род занятий, мсье Альдервейрельд, но вы стоите не на своей дороге. И не спорьте со мной! Вы прекрасно танцуете, ваши пропорции почти идеальны, вы молоды и сильны. Вы – звезда, которая рискует не взойти и погаснуть!

Ответа ждать не стал, повернулся резко.

– Ваш, мадемуазель, случай совсем иной. Вы можете назваться художницей, революционеркой, собирательницей бабочек. Но Большая Сцена проступает у вас сквозь кожу.

Кинув взгляд на сиротеющую возле окна трость, нахмурился.

– Понимаю – и сочувствую. Тигр не добивает раненых. Моя сегодняшняя охота не удалась.

Вздыхнул, сжал в руке глиняный стаканчик...

Анна закусила губу, до боли, до соленой крови. Пожалел... Нет, побрезговал! Недобитых оставляют умирать и гнить. Даже Квентин, ее рыцарь...

Встала, не чувствуя ничего, ни волнения, ни боли. Скинула плащ, сорвала с головы берет, сбросила, не глядя, туфли. Места хватит, от картин до противоположной стены метров

шесть.

...Préparation в IV позиции, затем pirouette en dehors. Оди-
нарный? Нет, двойной, пусть увидят! Приседание, толчок,
поворот. Восемь тактов по четыре...

Умирай, Анна Фогель!

Фуэте!..

* * *

...Хотела опустить руки – не смогла. Так и стояла,
недвижными ногами в пол, пальцами же за воздух цепляясь.
А потом вернулась боль, а потом ее подхватил Марек.

– Я бы вас застрелил, мэтр Робо. И не сделаю это только
потому, что у вас нет оружия. Но считайте, вызов я вам уже
послал.

– Принимаю, мсье Альдервейрельд. С одним условием
– пусть нас вначале рассудит мадемуазель.

Надо было говорить сквозь боль, но это оказалось неожи-
данно легко. Анна даже вспомнила, что она – итальянка.

– Non è successo niente, signori! Ни-че-го не слу-чи-лось!
Просто – фуэте. Signor Tiger... Мэтр, вы увидите добыча?

– Увидел, – очень серьезно ответил Антуан Робо. – Маде-
муазель! Мсье Альдервейрельд! Предлагаю вам сделать но-
мер для нашего кабаре.

Белые дома Лавеланета остались за спиной. Город кончился, дорога пуста, и Кейдж, решившись, повернул рукоять газа почти до упора. Старичок «Sunbeam», давний подарок англичан своим французским союзникам, рыкнув без особой радости, попытался подпрыгнуть, но все-таки увеличил скорость. Ветеран попался с характером, в Лавеланете целый час пришлось убить в мастерской, приводя его в порядок. Крис не слишком огорчился – на то они и приключения.

Вперед!

Сзади и слева – невысокие горы, лысые серые вершины, густая зелень по склонам. Впереди равнина, но у самого горизонта – тоже горы, ровная цепь, плечом к плечу. Здесь – узкая дорога, редкие деревья у обочин, а над всем этим – яркое южное солнце. Мчи, «Sunbeam» – ветеран, набирай скорость!..

Dude, он же сержант Бришо из Тулузской жандармерии, будучи весьма доволен сделкой, презентовал «шпиону» крупномасштабную карту местности, предварительно оторвав от нее верхнюю часть со служебной печатью (тс-с-с-с!). Теперь Крис чувствовал себя ковбоем из вестерна. Верный мустанг, прерия, а впереди – зарытый в давние годы клад.

Эй-о, эй-о! Эй-о, эй-о!

Если только конь хороший у ковбоя.

Эй-о, эй-о! Эй-о, эй-о!

То всегда найдет он счастье свое.

В Лавеланете, маленьком городке, похожем одновременно и на Новый Орлеан, и на калифорнийский Сан-Диего, тема лежала на теме, садись и пиши. Например, велосипеды. Местная команда смотрела на жизнь серьезно, уже не первый год пытаясь сделать родной Лавеланет стартовой точкой знаменитой гонки Тур-де-Франс. Хватало и любопытной старины: собор, пара средневековых башен и даже самые настоящие римские руины. А еще там собирались провести местный конкурс красоты «Мадемуазель Арьеж-1936». Все это тянуло на приличный репортаж, Кейдж даже потратил две полные пленки, запечатлев все более-более интересное. Но... Журналист Грант искал не просто тему, а Тему. Она была близко, где-то совсем рядом, может быть, прямо за следующим поворотом...

Мы ворвемся ночью в дом,

Мы красотку увезем,

Если парня не захочет полюбить.

А тем временем Великолепная Лорен... Крис довольно улыбнулся. Пещеры он не любил с детства, в них сыро, холодно и очень темно. Профессор же решил начать поиски Грааля именно с пещер. Первая из них именовалась Le Roc

de la Tour – здоровенная дыра в красной, словно закат, скале.

Но зачем такая страсть?
Для чего красотку красть,
Если можно просто так уговорить?

Кейдж, никому зла не желавший, мог лишь порадоваться, что вовремя унес ноги из Монсегиора. Пещеры? Нет уж, спасибо! Удачи вам, Мисс Репортаж! Vivat!..

Слово из далекого кажунского детства, из его счастливого палеолита, подбодрило, добавило сил. Газ до упора, курс – на горизонт! А что зубы ноют – ерунда-а!..

Эй-о, эй-о! Эй-о, эй-о!
Если только конь хороший у ковбоя...³²

Как заглох мотор, он услышал. Все прочее было беззвучным: метнувшаяся навстречу земля, ярко-красная вспышка – и бесконечное поле под вечным синим небом.

*...Он покоит меня на зеленых пастбищах и водит меня к тихим водам. Он душу мою оживляет и ведет меня по путям праведности ради имени Своего. Пусть пойду в темноте долины смерти, не устрашусь я зла...*³³

³² «Ковбойская». Музыка Альберта Гарриса, слова Юрия Цейтлина.

³³ Псалом 22:2.

– Поистине труден твой путь, рыцарь, – молвила королева Златовласка, коснувшись губами его чела. – И рада я радостью великой, что не ошибся ты, избирая дорогу, и встретились мы.

– Грамерси!³⁴ – отвечивал ей с должным вежеством Кретьен, искатель Небесной Чаши. – Однако же поведай мне, прекрасная, что зрю я вокруг? Не Смерть ли, всех нас, сотворенных погубительницу? Ибо сгинул Мир Божий, и остались лишь мы с тобой, словно пращуры наши Адам и Ева.

Мяжки были ее губы и сладок, словно мед, поцелуй.

– Не бойся, рыцарь Кретьен! Не в Смерть ты вступил, но в Землю Грааля. И не в пример нам пращуры наши, ибо здесь, где царит Чаша Христова, сторонятся греха. Мы же увидимся еще с тобой, и счастливой станет грядущая встреча. Делай что должен, рыцарь, – и будь что будет!

И распахнулся синий полог над их головами, открывая иное, Истинное Небо...

³⁴ Для тех, кто не знает. Из книги Мэллори «Смерть Артура». Искаженное французское «grand merci».

– О-о-ой-й!..

Очки не только не разбились, но даже не упали с переносицы. Однако все прочее – руки, ноги, шея и то, к чему они крепились, куда-то подевалось. Нос остался, а перед ним торчала высокая сухая травинка.

– Ой! Ну надо же!..

Вернулась рука – левая. Кейдж уперся пятерней в пыль и без особого успеха попытался приподняться. Завалился набок, скользнув глазами по легким перистым облакам, плывущим по синему океану. Удивился: когда он ехал, небо было чистым. Сколько же он здесь пролежал?

Напомнила о себе и правая рука – противной ноющей болью. Ноги... Наконец Крис ощутил себя полностью. Подождав немного, выдохнул...

Жив?

Он все-таки встал, хоть и с третьей попытки. Мир вернулся. Дорога – прямо перед ним, в трех шагах, слева, колесом вверх, мотоцикл-саботажник, а еще один где-то близко, не виден, зато слышен очень хорошо. Мотор мощный, тому, что заглох так не вовремя, – не в пример.

...Надо же, испугаться – и то не успел!

«Не бойся, рыцарь Кретьен! Не в Смерть ты вступил, но в Землю Граалья...» Откуда слова? А из книжки, там даже

картинка есть: рыцарь при коне – и дама при короне. Хорошо же его навернуло! Понятно, не рыцаря...

Мысли плыли легкие, словно облака в зените, и Кейдж без особой спешки принялся рассуждать о том, что следует в первую очередь сделать. Обрадоваться? Удивиться? Или все-таки испугаться до смертного пота? Нет, это подождет.

Кристофер Жан Грант поглядел в Небо.

– Грамерси!

Кто услышит – тому и достанется.

– Эй, парень! Эй!..

А вот мотоцикл – прямо на дороге. Мотором урчит, видом вдохновляет: черный, тяжелый, да еще и с коляской. Рядом парень в светлых брюках и рубашке «апаш». Ростом высок, волосом темен, ликом смугл, годами же ему, Крису, ровня.

...То есть не рядом с мотоциклом, уже прямо здесь. Взял за плечи, скользнул по лицу взглядом... Нет, не смуглый, просто загорелый. Нос подгулял, расплющен в биточек. Глаза же голубые, яркие и цепкие.

– Здорово расшибся?

– Oh, yeah! – согласился Крис и бухнулся на траву.

* * *

– Кости целы, – не без сомнения констатировал голубоглазый после беглого осмотра. – Насчет головы, тебе, парень, виднее, но к врачу мы тебя отправим прямо сейчас. А вот

мотоциклу твоему, похоже, каюк. Ты чего, на этом керогазе рекорды ставил?

Крис виновато вздохнул.

– Жан-Пьер, – отрекомендовался мотоциклист. – Я из Авалана, это совсем рядом.

Ладонь нового знакомца была крепкой и сухой, словно хорошо выдержанная доска.

– Кристофер, – вздохнул репортер. – Нью-Йорк, тоже недалеко.

Жан-Пьер на миг задумался.

– По-нашему, значит, Кретъен. Тебя я, Кретъен, в коляску посажу, а вот куда керогаз девать?

Кейдж хотел махнуть рукой, мол, пусть тут и лежит, предатель, но вовремя вспомнил, в каком мире живет.

– Оттащить бы его подальше. Украдут, и ладно, но если полиция...

– Они могут.

Жан-Пьер, расстегнув нагрудный карман, вынул удостоверение в бордовом сафьяне.

– Против жандармерии не возражаешь? Сержант Мюффа, территориальная бригада, Арьеж. Свои бумажки можешь не доставать, у тебя все на лице написано.

Крис, слегка обидевшись, все-таки полез во внутренний карман куртки. Паспорт, корреспондентская карточка... Жан-Пьер покачал головой.

– Ты, Кретъен, меня удивить не пытайся. Журнал «Мэг-

эзин», три сотрудника, с ними – профессор из Парижа. Пошли, грузиться будем.

– А-а... А куда мы? – на всякий случай поинтересовался Кейдж, вспомнив о Чертовом острове и кан-да-лах. Сержант Мюффа взглянул удивленно.

– Так в Авалан и отправимся. А! Я тебя, Кретьен, предупредить должен. Авалан – коммуна, то есть не совсем город. Но ты это никому не говори, особенно дядюшке Барбарену. Он хоть коммунист, но на «коммуну» обижается.

Кейдж ничего не понял, но твердо обещал.

До коляски удалось добраться без всяких помех, даже боль в правой руке съежилась в маленькую пульсирующую точку у локтя. Крис успел пожалеть о почившем мотоцикле. Сейчас бы посидеть часок на травке – и дальше с ветерком.

– Особо не бодрись, – предостерег Жан-Пьер. – Насмотрелся я аварий, да и сам два года назад навернулся. Нос какой красивый, заметил? О! Что там у нас?

Прислушался к тому, что гремело и урчало за поворотом, – и довольно кивнул.

– Старик Бюссо на своем тракторе. У него прицеп, вот туда мы твой керогаз и определим. Отвезет к Барбарену, а там разберемся.

Крис решил не спорить. Так тому и быть! Заодно узнает, куда его занесло.

...Авалан почти что город. Кружок на карте, рассеченной стрелами дорог.

В темный воскресный день ты торопись ко мне.
Свечи в гробу, догореть вы успеете.
Бедное сердце не бьется в груди моей...

Мрачным баритоном воззвала пластинка. Не тут-то было! Лектор, юркий толстячок во фраке, поспешил махнуть пухлой ладонью. Патефон внял и умолк.

– Н-ньет, дамы господа! Nem! Улыбка! У-льиб-ка!.. Раз! Két! Три!..

Харальд Пейпер и не хотел, а вздрогнул. Улыбка оказалась нарисованной – прямо посреди большой марлевой маски. С непривычки смотрелось жутковато. Гауптштурмфюрер рассудил, что именно так выглядят раненные в челюсть после первой перевязки³⁵.

– Мы остановим смьертъ! Улыбка! Smile! Улыбка, дамы и господа! Нашье общество, дамы и господа, уже основало филиалы в семьи... Нет, уже в восььми городах мьира. Нам пишут тысьячи людьей на всьех языках!

Двое помощников между тем беглым шагом двинулись среди рядов, раздавая такие же точно марлевые намордники с приклеенным бумажным оскалом в три краски. Кто-то ре-

³⁵ Желаящие могут взглянуть на фотографии.

шился надеть, рассмеялся нервно...

– У-лыб-ка!..

* * *

Афишу с объявлением о лекции «профессора из Будапешта Ене» Харальд заметил, гуляя по Унтер-ден-Линден. На первый взгляд, ничего особенного: общество «Сила через радость», отдел культуры, в помещении Немецкого дома оперы, что в Шарлоттенбурге... А вот название царапнуло: «Улыбка против смерти».

Постояв у афиши и выкурив сигарету, сын колдуна рассудил, что после Олимпиады ничего интересного в Берлине не случилось. «Улыбка против смерти», да еще в исполнении будапештского профессора, неизбежно заинтересует многих. Будет ли пресса? Без сомнения, причем первыми пожелают венгры, дабы поддержать земляка. А поскольку журналисты – народ дружный, значит, придут и другие.

Малый зал Немецкого дома оказался почти полон. Репортеров, устроившихся в первом ряду, Харальд насчитал с полдюжины. Четверо – точно иностранцы, причем двое говорят по-английски.

Отлично!

Сама лекция, несмотря на весь пафос «профессора из Будапешта», напомнила Харальду детскую страшилку о том, как в черном-черном городе на черной-черной улице стоял

черный-черный дом. В этом доме, как выяснилось, жил черный-черный музыкант, однако не африканец, а чистокровный венгерский еврей Реже Шереш, который из ненависти к роду людскому придумал черную-черную песню, дабы множить и множить число самоубийц. Гауптштурмфюрер решил, что именно национальность злодея подкупила руководство общества. «Сила через радость» не преминула еще раз напомнить берлинцам, кто всем их бедам причина.

Марлевая повязка – против «Мрачного воскресенья». Держись, мировой кагал!

Харальд представил себе толпу на вечернем бульваре. Все в масках, все с приклеенными улыбками... Сам в гроб лезешь!

Бедное сердце не бьется в груди моей,
Веки, как свечи, ждут ласки руки твоей,
В мертвых глазах ты прочтешь утешение...

Песня Харальду очень нравилась. Но радостный идиот с его марлевыми повязками мог оказаться очень полезен. То есть не он сам...

* * *

– Одну минутку, дамы и господа!

Репортеры задержались ненадолго, всего на четверть ча-

са. Кажется, особых вопросов к профессору Ене у них не нашлось. Харальд встретил всю компанию на улице, прямо у тяжелых дубовых дверей.

– Не желаете ли маленькую сенсацию?

По-английски, чтобы прохожих не смущать. Пока сообразят, пока словарь достанут...

– Меня зовут Марек Шадов. Я могу вам рассказать, кто и как убил рейхсминистра Геббельса.

Скользнул взглядом по растерянным лицам. Еще не поняли, а поняли – не поверили.

– Какое оружие? – негромко спросил тот, кто был старше прочих. Американец? Наверняка!

– Контрольный вопрос? Рейхсминистр был убит из пистолета Борхардт-Люгер 1914 года, карабинная модель. Приклад, диск на 32 патрона, оптический прицел, разрывные пули – австрийские, компании «Альдер». Убит первыми тремя пулями – точно в голову. Стрельба велась из окна третьего этажа Северного корпуса отеля «Des Alpes» – очередями, по три-четыре патрона.

– Oh! – выдохнул американец.

Сын колдуна широко, по-голливудски, улыбнулся. Нам, профессор, ваши повязки ни к чему!

– Откуда мне это известно, дамы и господа? Да потому что я сам и стрелял, да-да, я лично, Марек Шадов. Ну что, поговорим?

Гауптштурмфюрер СС Харальд Пейпер прекрасно знал, чего боятся правители Рейха. Не войны, не блокады, не разрушенных чужими бомбами городов. Им страшно лишь за собственную жизнь, единственную и драгоценную. Потому и подполье бессильно. Листовками не пробить дубленые партийные шкуры.

Террор! Вот самый страшный из призраков, способный вогнать в ледяной пот любого храбреца в черном мундире. Если уж Геббельса не уберегли, что говорить о рядовом крайсляйтере из маленького городка? Ночью, в подъезде, в авто, в собственной квартире...

Дрожите! Марек Шадов и Центральный Комитет Германского сопротивления объявляют войну Третьему рейху. Беспощадную, без пленных и без мирных переговоров. Убивать, убивать и убивать!

Прости, брат Отомар!..

7

— ...Нет-нет, синьорина Анна! Я кофе только по утрам пью.

Мухоловка даже растерялась. Ребенка вином не уго-

стишь – и сигареты на стол не выложишь, тем более, если сама решила завязать.

– Вы на меня внимания не обращайтесь, я просто посижу, пока Кай не вернется.

Марека с утра унесло по делам. Анна тоже не скучала. Прошлась по кварталу, забавляя встречных итальянским акцентом, и довольно быстро нашла столярную мастерскую. До Великой войны, когда в этих краях табунами селились художники, там изготавливали рамы для картин, теперь же были согласны на любой заказ. Балетный станок, мадам? С радостью, мадам. Давайте вместе поищем ваше нижнее ребро, мадам³⁶. О, мадам, в прежние времена меня женщины хватили не за нос... За ухо, за ухо, мадам!..

В мастерской оказался телефон, и Мухоловка, не трата времени даром, дозвонилась до нужного магазина. Трико, туфли-«балетки» и модные ныне «джазовки», само собой, с доставкой. Решилось и с зеркалом, тоже по телефону. Парижская жизнь имела свои преимущества.

Вернувшись, Анна навела порядок в комнате-каюте, все распланировала, освободила место. Затем открыла окно и дала себе слово: ровно через месяц выбросить трость, запустив ее прямиком в старое воронье гнездо на платане.

– ...Знаешь, Анна, я танцевать совсем не умею. То есть всякое обычное умею, а танго – нет.

– Не грусти, маленький Вальтер. Я тебя научу.

³⁶ Уважаемые читатели могут сами подумать, для чего это нужно.

Улыбнулась – и заставила себя забыть, ненадолго, на тот же месяц. «У вас обязательно получится, мисс Фогель. Не спешите. Время иногда – лучший союзник», – сказал ей полковник Хаус, мастер танго. Только на следующий день Мухоловка сообразила, с кем довелось познакомиться. Рассказать – не поверят. Да и рассказывать некому.

Тут-то и пришла малявка. Бросила у дверей школьный ранец, плюхнулась на стул. На лице такое, что даже расспрашивать не тянуло. В чужую жизнь Анна Фогель старалась не вмешиваться, хотя сразу сообразила, что у Кая и Герды не все складывается просто. Их двое, а где Снежная Королева?

– Я сегодня с Королевой встретилась, – низким, не своим голосом проговорила девочка, и Мухоловка невольно вздрогнула.

– С мамой... Как в тюрьме: у дверей – дед, а за дверями директор школы. И часы на стене...

Всхлипнула, но, быстро справившись, села ровно.

– Я, синьорина Анна, сама во всем виновата. Но дальше – тайна, и не моя, извините. Вы же мне тоже ничего не расскажете, правда?

Секретный агент Мухоловка улыбнулась:

– Встретились два шпиона – и принялись красноречиво молчать. А ты, Герда, поделись тем, чем можешь. Имен не называй...

– Ага, как в сказке, – малявка на миг задумалась. – Это можно, синьорина Анна. Будем считать, что я случайно про-

говорила. Я ведь маленькая и глупая, правда? А вы Каю перескажете, потому что ничего не поняли и удивились.

Встала, шагнула к подоконнику, поглядела на зелень платана.

– Я от ящерицы письмо получила, уже третье. Ее арестовали, хотели судить, но потом выпустили. И даже орденом наградили. А еще ей очень-очень плохо, и я не знаю, как помочь. Совсем не знаю!

– Ты ей уже помогла, – негромко проговорила разведчица Анна Фогель.

* * *

– Я приехала из Штатов, Марек. Туда меня отвезли в инвалидном кресле, я даже говорила с трудом. А лечил меня отставной сержант. Очень просто лечил – заставлял двигаться. Было невероятно больно, но боль – это жизнь. Я справлюсь, Марек!.. И еще... О некоторых вещах спрашивать не положено, поэтому я буду задавать вопросы, а вы просто говорите: «Дальше». Хочется поразмышлять вслух. Согласны?

– Согласен. Но могу и ответить. Спрашивайте, Анна.

– Сколько лет вы работаете в разведке?

– Недавно подсчитал. Двенадцать. С короткими перерывами на личную жизнь.

– Мы говорим с вами на немецком, но оба – не немцы.

– Верно.

– Вы чех?

– Дальше.

– Мою страну захватил Гитлер. Она маленькая, ее нетрудно контролировать. У немцев очень сильная контрразведка, все наши или струсили и убежали – или предали. Если начинать борьбу, то с чего?

– Наиболее уязвимое место вражеской армии – ее командующий. Убивать его не стоит, нового назначат. Но вот напугать, сбить с толку, а еще лучше – перевербовать...

– Как, Марек? Чем?

– Мячик, который вы видели, мне подарил мастер Чен. Он как-то обмолвился, что у хорошего человека самое сильное чувство – любовь, у плохого – страх.

– Спасибо. А насчет номера для кабаре вы все-таки, Марек, подумайте. У меня свой интерес. Немцы за мной наверняка приглядывают, пытаются узнать, чем я занимаюсь...

– ...А вы готовитесь выступить в «Paradis Latin». Действительно... У меня тоже свой интерес. Мэтр Робо обещал взять для кабаре два десятка картин – бесплатно, на два месяца. Ему нужен громкий скандал в новом сезоне. Но и я не против... Хорошо, Анна, номер мы с вами подготовим.

– Вам нужно сделать еще кое-что, Марек, – помочь одной ящерице.

Местный эскулап смотрелся зловеще. Темный костюм, тяжелая трость, надменный блеск пенсне в золотой оправе. А на лице – ни капли жалости, будто к лягушке пригласили.

– Месяц! – не без удовольствия изрек он, прищелкнув крышкой серебряных часов. – А будете себя вести плохо, молодой человек, то и полтора.

– Месяц? – ужаснулся Кейдж. – В смысле – лежать?!

Он и так лежал – на деревянной кушетке, укрытый легким, сшитым из разноцветных кусков, одеялом. Сержант Жан-Пьер Мюффа скромно разместился у дверей, а из коридора выглядывал еще один Мюффа, Поль-Константин, такой же голубоглазый и широкоплечий, но на десять лет младше брата – и с совершенно целым носом.

Гостя поместили в одной из пристроек большого каменного дома на самой окраине Авалана, где жили братья и их достойная матушка, на данный момент гостившая у сестры в Тулузе.

Эскулап, пожевав губами, повернулся к двери.

– Вы поняли, мсье Мюффа? Месяц не смейте и близко подпускать этого адского гонщика к мотоциклу. Лично прослежу. А сейчас бы его под арест дня на три. Желательно в помещении с крысами. Устройте?

Братья переглянулись.

– А за что? – нерешительно поинтересовался старший.

Эскулапов палец взметнулся вверх.

– За наплевательское отношение к собственной жизни.

Иначе в следующий раз вам придется вызывать дядюшку Антуана.

Повернулся к больному и уточнил, блеснув фарфоровой улыбкой:

– Это наш гробовщик. А по городу вы его, сержант, в наручниках водите. Во избежание.

И отбыл, напоследок посоветовав смазать ссадину на локте йодом, а заодно поставить клизму, желательно со скипидаром и патефонными иглками.

– Уф! – выдохнул Крис, смахнув со лба холодный пот.

– Вы не радуйтесь, – посоветовал младший из братьев (старший отправился провожать гостя). – Дядюшке Барбарену уже доложили. Он пообещал вам мотоцикл на голову надеть.

Кейдж честно попытался представить, что из этого может получиться. Наверняка удачное фото – в рубрике «Ужасы на сон грядущий». Одно хорошо: жив остался. Это отчасти обнадеживало.

– Ну что? – воззвал с порога Жан-Пьер, глядя не без сочувствия. – Пошли, Кретьен, сдаваться!

Окраина Авалана ничем не отличалась от уже виденных Крисом французских деревень, если по-местному – village. Дома из желтого камня под потерявшей от времени цвет черепицей, белые ставни на окнах, сараи, курятники, трактора у ворот. Но дальше, вверх по холму, здания выросли до трех, а то и четырех этажей, глухие заборы исчезли, зато появилась брусчатая мостовая и железные фонари. Керосиновые, как объяснил Жан-Пьер. Электрические тоже имелись, но дальше – у главной площади, где мэрия. Однако отправились не туда, а на одну из узких улиц. Древний трехэтажный дом, темная подворотня, за нею двор, но уже не деревенский, вполне городской. Не сарай, а гараж, открытые железные ворота...

В книжке, читанной Кейджом, нечто похожее уже было. «И подъехал рыцарь Кретьен к замку Красного Великана, и ударил латной перчаткой в створку ворот...»

– Жди здесь, – мрачным голосом велел сержант. – И не убегай, все равно поймает.

«...И воззвал голосом громким, вызывая злочестивого людоеда на смертный бой...»

Потомок кажунов убежать не собирался. Съедят – так съедят! Хотел приключений? Вот они! «Сожранный заживо!» Три колонки, большая фотография – и на первую полосу.

«Достав же свой славный меч, поцеловал рыцарь верную сталь...»

– Это ваш мотоцикл, мсье? – густым басом спросил плечистый здоровяк в клетчатой ковбойской рубашке, выныривая из темноты. – Английский, «Sunbeam» 1918 года?

– Oh, yeah! – отвечивал бесстрашный «дикси». – В смысле да.

Здоровяк взглянул с укоризной:

– И вы на нем ездили?

Прежде чем констатировать очевидное, Крис присмотрелся к тому, кто пришел из тьмы. Годами слегка за сорок, черные волосы, легкая проседь на висках, густые усы, толстая шея. Ладони – хоть крысу бей. А уж если в кулаки сжать...

Здоровяк, почуяв внимание, приосанился, сдвинул густые брови:

– Максимилиан Барбарен! Слесарь и автомеханик. Могу и сварку, если нужно.

Крис решил, что самое время блеснуть репортерской смекалкой.

– Вы – мэр Авалана?

– Да! – правая рука, сложившись в кулак, взметнулась вверх. – Мэр нашего города! Избран в честной борьбе по списку «Народного фронта».

Репортер «Мэгэзин» поспешил расчехлить взятый с собой «Contax II». Мэр расставил ноги пошире и принял вид.

– А вы, мсье, из прогрессивной прессы? – поинтересовался он, честно претерпев процесс съемки. – Или из реакционной?

Крис на миг задумался.

– Скорее, третье. Мы для дам пишем.

Дядюшка Барбарен угрюмо хмыкнул.

– На что силы тратите, tovarishh? Ладно, пошли смотреть ваш металлолом.

* * *

Блокнот Крис доставать не стал, слушал.

– ...Фашисты! Кагуляры! «Огненные кресты»! – вещал Максимилиан Барбарен. – Худшие подонки загнивающего империализма! Мы дали бой этой контрреволюционной гидре. Мы, коммунисты и все прогрессивные граждане, сплотились в Комитет бдительности, построили баррикады!..

Прервался, взглянул снисходительно.

– Для вас, конечно, это пустой звук, господин из Нью-Йорка. Откуда вам знать, что такое настоящая классовая борьба?

Кристофер Грант невозмутимо пожал плечами.

– Везде свои бородавки. А много вы, господин мэр, слышали о последнем скандале на кокусе республиканцев в Вайоминге? Крутой, я вам скажу, был мордобой. Велик мир!

Мэр города Авалана нахмурился.

– Вы правы, Кретьен... Если по имени, не обидитесь? Вот и хорошо, а меня «господином» не титулуйте. Когда мы в моем кабинете, то «гражданин», а так – «дядюшка» или, если хотите, «папаша». Все зовут, чем вы хуже? Так вот, вы правы – однако не совсем. Авалан – маленький город. Но это – Франция! Узнаете нас – узнаете всю Республику. Мы – глоток хорошего вина. Прочувствуешь – и оценишь весь урожай.

– Oh! – Крис все-таки вытащил из кармана блокнот. – Очень неплохо! Но, дядюшка Барбарен, разве жизнь – это только политика?

Из горла гражданина мэра вырвался грозный рык.

– А что еще? Дамские шляпки? Кастраты в папской капелле? Байки про привидения в белых саванах? Ваша пресса только сбивает с толку рабочего человека!

О политике беседовали ввиду того, что надгробное слово мотоциклу марки «Sunbeam» было уже сказано. Надевать его на голову гостя мэра не стал, но укорил жестоко, вспомнив, как в прошлом году недалеко от города погибла целая семья. Взяли напрокат «ситроен», а тормоза проверить забыли. Сам же мотоцикл дядюшка Барбарен предложил выкрасить – и выбросить, однако, чуть подумав, рассудил, что за неделю берется его оживить. Быстрее не выйдет, запчасти придется заказывать в Тулузе.

Крис пожалел старого коня – и дал добро. Пусть еще поскочет по прериям.

В гараже, где мэр-автомеханик устроил мастерскую, они остались одни. Помощники, а заодно и сержант, отправились на обед, гостю же дядюшка Барбарен предложил зайти в мэрию, а уже после перекусить.

– Попросил бы я вас, Кретьен, написать об Авалане, – подытожил он. – Правду написать, ничего не скрывая. Хороший город, и люди хорошие. А если негодяя увидите, то и о нем пишите, чего нам бояться? И древностей у нас всяких навалом, и красота вокруг – глаз не отвести. Только не напечатают, верно?

Репортер «Мэгэзин» и не думал спорить. Печатать не станут, завернут с ходу. Не потому, что мэр Авалана – коммунист. Хорошие люди, история, природа – не сюжет для нью-йоркского еженедельника. Вот если бы в центре города крокодил съел старушку! А еще лучше, если бы наоборот...

И кто он, Кристофер Жан Грант, после этого?

– А знаете, дядюшка Барбарен, я все равно попытаюсь. Вы за неделю мотоцикл почините, а я, если из города не выгонят, напишу, сколько успею. Мне бы только пачку бумаги купить.

* * *

Мэрия оказалось недалеко: прямо по улице, налево и прямо, до главной городской площади – Святого Бенедикта. Название мэр категорически не одобрил, обещая уже в следую-

щем году переименовать площадь в правильном духе. Естественно, реакционеры, а особенно клерикалы, черные вороны Ватикана, будут против, а значит, неизбежна тяжелая и трудная борьба.

Слова о черных воронах Кейдж пропустил мимо ушей, разглядывая попадавшие по пути здания. Ничего приметного не встретилось, но Авалан был чист и по-старинному уютен. В который раз вспомнился Новый Орлеан – тот, каким он был до Великого наводнения. После маленького, обдуваемого всеми ветрами Сен-Пьера, город возле устья Отца Вод казался ожившей сказкой. Старые французские кварталы, зеленые пальмы, скрипящие кареты с вензелями на дверцах – и джаз, настоящий джаз на каждом углу!

– Да, я белый, и что с того? – сказал он Анжеле, своей первой любви. – Я все равно научусь!

– Научишься, Кейдж, но это будет белый джаз.

Авалан ничем не походил на The Big Easy³⁷, но узкая, вымощенная булыжником улица с каждым шагом все больше походила на дорогу Памяти, по которой так легко и горько шагать – от призрака к призраку...

– А-а, гражданин мэр! Куда вы ведете это юношу? Как обычно, на расстрел?

Мэр сердито засопел, Крис же, вынырнув из воспоминаний, недоуменно оглянулся. Почти пришли! Впереди, как и

³⁷ The Big Easy – непереводимое прозвище Нового Орлеана. Очень условно – Беззаботный город или Большой шанс.

обещано, площадь, справа – серая громада собора, острая колокольня, обшитые старой медью ворота. А перед ними...

– Тогда, может, разрешите этому несчастному напоследок исповедаться – из пролетарского гуманизма?

Черный ворон? Нет, скорее Черный Конь!³⁸

9

– Ne chitajte do obeda sovetskih gazet, – посоветовал как-то Харальду Пейперу его случайный знакомый, русский эмигрант. Гауптштурмфюрер СС счел совет мудрым, добавив про себя, что чтение национал-социалистической прессы вредно в любое время суток, но особенно не до обеда, а после. Вывернет!

Однако под настоящий «Courvoisier» урожая 1932 года – отчего бы и нет?

Коньяк с долькой лимона те же русские именуют «Nikolashka» в честь одного из своих императоров. А если не под лимон, а под свежую «Фелькишер Беобахтер»? Не иначе, «Адди». Очень похоже на русское «Ad».

Сын колдуна обозвал себя извращенцем и с удовольствием потребил.

На коньяк ушли почти все деньги из бумажника Хуппен-

³⁸ Читатели, вероятно, уже заметили, что многие реалии Авалана взяты из произведений Джованнино Гуарески про Дона Камилло, а также из фильмов, по ним поставленным.

котена. Поминать сына юриста Харальд не собирался. Пусть без помех обживает свой «Ad»! Просто хотелось слегка расслабиться, благо и повод есть.

Устроился все там же, на кухне, за зеленым пластиковым столом. Согрешил: достал пепельницу и выкурил подряд две сигареты, после чего не без удовольствия взялся за газету. Творчество душевнобольных порой забавляет, если, конечно, дозой не ошибиться.

Дела в бывшей конторе Колченогого шли ни шатко ни валко. Нового министра до сих пор не назначили, делами занимался сладкоголосый Фриче в компании с неизвестно откуда взявшимся молодым да рьяным Вернером Науманом. Кресло же министра, по слухам, достанется самому Рудольфу Гессу, второму человеку в НСДАП. Фюрер мудро рассудил, что партии достаточно и первого.

Ожидания обманули – газета оказалась скучной, даже под коньяк. Разве что удивила статья на второй странице. Подписи нет, значит, либо сам Фриче, либо кто-то повыше, к примеру, тот же Гесс. Название хоть куда: «Грязь и память». Харальд, устроившись поудобнее, наполнил следующую рюмку. Зачитался – и даже не отреагировал на приход Ингрид. Взяв с подоконника карандаш, отчеркнул предпоследний абзац, воткнул рядом восклицательный знак...

– Нет-нет, мне не надо! – Девушка с недоверием покосилась на заботливо наполненную рюмку. – Сразу же развезет. Харальд, нам нужно поговорить. Я сегодня встретила...

Сын колдуна отмахнулся.

– Успеется! Кстати, это вам!

Шоколад «Золотая печать»: желтая обертка в красной рамке, веселые физиономии, посреди, как и обещано, печать на шнурке. Дочкина радость.

– Спасибо! – Ингрид, присев за стол, достала сигареты. – А курить здесь можно?

– Брат сказал: «Тебе можно». А вы со мной, за компанию. Кстати, Ингрид, вы, кажется, хотели присоединиться к подполью? Рад доложить: оно действительно существует. Ну, по крайней мере, с сегодняшнего дня.

Сигарета, так и не загоревшись, беззвучно упала на зеленый пластик.

– А-а... А что за подполье? Какое оно?

– Вам, Ингрид, все сразу? – гауптштурмфюрер весело рассмеялся. – Явки, пароли, тайники, каналы связи?

Оборвав смех, наклонился через стол.

– Только после вашего согласия на вступление. Условие простое: любые приказы выполняются немедленно и без возражений. Любые, Ингрид! Со всеми неизбежными послед-

ствиями в случае отказа.

Уточнять не стал. Starica sa kosom уже приходила к светлоглазой. Поймет!

– Подумайте! А пока взгляните, может, вас заинтересует. Вы же встретились с братом в «Гробнице Скалолаза»?

И пододвинул газету.

* * *

Смотреть на девушку были приятно. Лицо читалось, как книга, страница за страницей. Непонимание, удивление, растерянность, гнев...

...Сжатый кулачок ударил в зеленый пластик.

А вот и радость, и снова удивление, и снова гнев. Пальцы впились в край стола, утреннее небо в глазах полыхнуло осенней грозой.

Красивая...

Гауптштурмфюрер СС прикинул, каков ее шанс уцелеть к концу операции. Ноль целых, ноль десятых... Может, наплевав на все, вытащить девчонку из ада, отправить подальше, а после войны назначить Рейхспрезидентом?

Вздохнув не без сожаления, сын колдуна щелкнул зажигалкой. Никак стареть начал, Гандрий?

– Сволочи! – выдохнула Ингрид, откладывая газету. – Как они смеют? «Авантюристы и дезертиры»! Это кто дезертир?!

Харальд Пейпер пожал плечами:

– А что им еще говорить, если плутократическая пресса гнусно клеветает на павших героев «Эскадрильи прикрытия “Эйгер”», отдавших свои молодые жизни ради покорения неприступной Северной стены...

– Курц и Хинтерштойсер действительно взяли Стену! – резко перебила Ингрид. – Пусть пишут, что хотят!

– Пусть, – улыбнулся младший брат. – А что взяли, не сомневаюсь, раз там побывал Марек. Вы бы, Ингрид, не сердились, а радовались. Если о таком пишут в «Фелькишер Beobachter», значит, шум стоит немалый... Кстати, вы как, надумали?

* * *

Лицом к лицу, глаза в глаза...

– Согласна... Если что, я уже умирала. Не страшно! Как называется организация?

– «Германское сопротивление». Первое ваше задание, Ингрид – придумать себе псевдоним. Мужской, незачем «стапо» подсказки давать.

– Если так, то... Эйгер! Имя... Пусть будет Вальтер, хорошо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.